

К84(2Рос=Рус)6

К 27

Борис Карташов

РАЗОРВАННАЯ ПАМЯТЬ

Борис Карташов

**★ РАЗОРВАННАЯ
ПАМЯТЬ**

г. Советский 2010 год - 0137499-

Государственная библиотека Югры	03
---------------------------------------	----

Государственная библиотека Югры	КО
---------------------------------------	----

ББК 63.3(2)6
К27

Карташов Б.П.

К27 Разорванная память : рассказы. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2010. – 142 с.

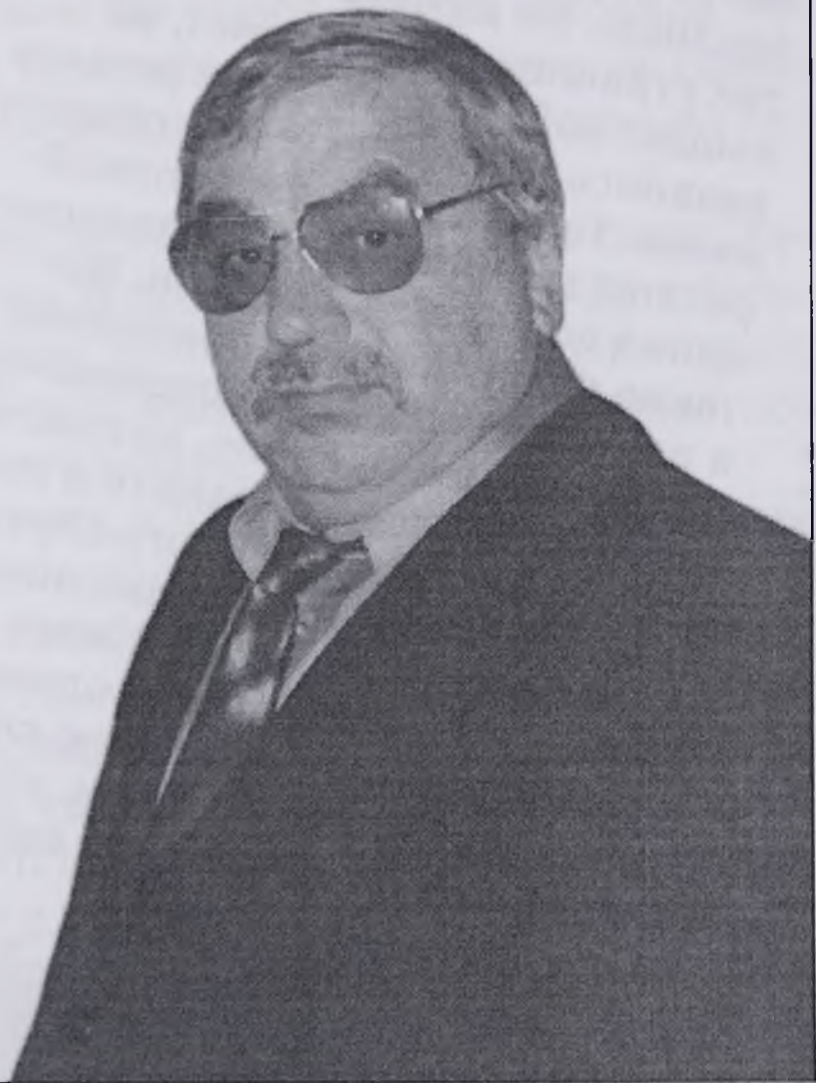
Новая книга прозаика Бориса Карташова «Разорванная память» посвящается защитникам Отечества: солдатам Великой Отечественной, Российской армии, курсантам военных училищ. Основное отличие написанного – правдивость. Книга читается легко на одном дыхании. Многие могут узнать в героях себя или своих знакомых.

ISBN 978-5-89846-909-2

© Карташов Б.П., 2010

© ОАО «Полиграфист», 2010

Борис
Карманов

Фронтовые были

Великая Отечественная война все больше и больше уходит в прошлое. Стираются детали войны, уходят в небытие боевые эпизоды. Но память участников тех страшных лет, нет-нет, да выдаст события, которые раньше казались неинтересными, обыденными. Только сейчас они приобретают значимость и продолжают цепко держаться в памяти. Вот такие фронтовые воспоминания я попытался собрать воедино. Единственное правило, которого придерживался, сохранить в точности факт рассказанного случая, не прибавляя и не убавляя ничего. У героев нет конкретных имен, потому что рассказанное одним фронтовиком вполне могло случиться и многими другими, кто участвовал в той ужасной войне.

Разорванная память

Он был обыкновенным деревенским пареньком. Работал подпаском, затем пастухом в колхозе. Было спокойно и хорошо жить, пока не началась война.

... Учебная воинская часть, наспех сформированная из таких же юнцов, как он, готовила пулемётчиков и миномётчиков. В общем, ту самую пехоту, которая впоследствии стала «царицей полей».

Зима. Всё время хотелось, есть и спать. Растущий организм подростка требовал пищу в больших количествах, которой не хватало. И отдых: каждая клетка тела желала покоя. Постоянный холод завершал эту адскую картину.

Жили в лесу, в наспех сколоченных из досок бараках. В них стояли буржуйки, которые нужно было топить постоянно, что было относительно комфортно. И лишь, в солдатской столовой, были сложены настоящие печи из кирпича. Там всегда тепло и пахло едой. Поэтому дежурство в столовой было ответственным и «хлебным» делом, куда стремились все молодые солдаты. Но главное – охрана этого стратегически важного объекта, на который голодными глазами смотрели сослужив-

цы. Нужно было охранять продукты питания и заготовленные впрок дрова, сложенные поленницей у входа в столовую.

Сегодня его очередь быть дневальным. Вокруг барака не было ничего похожего на топливо – всё, что близко лежало, стояло, валялось – было сожжено в прожорливой топке казармы. Он сразу понял, что лучше всего дрова для буржоек брать из поленницы у столовой. Однако их охранял такой же, как он, солдат. Нужен был план по изъятию стратегического сырья. Просчитал, что обход часового вокруг столовой составлял восемь минут. За это время необходимо было добежать от казармы до столовой, а это двадцать метров, схватить охапку дров и успеть скрыться пока его не увидел часовой. Дважды он успевал проделать эту операцию блестяще. Нужна была ещё одна ходка – тогда до конца дежурства мог подремать у железной печки. Часовой ещё поворачивал за угол, а он уже был у поленницы. Схватил охапку, но что это? Среди поленьев лежал брикет с прессованной кашей. Видимо кто-то спёр его со склада и спрятал, считая, что здесь никто не найдёт. Не думая, сунул пакет за пазуху и рванул обратно.

В казарме отдышался. Каша лежала у него на груди и напоминала о голоде. Рот был набит

слюной так, что, казалось, открой его, наполнил бы целое ведро. Не выдержав такого напряжения, выскочил на улицу, всем своим видом показывая, что направляется справить нужду. Надо сказать, что специально отведенного помещения для этого не было. Естественные надобности справляли прямо на свежем воздухе по кустикам. Расстегнув штаны, присел. Запустил руку за пазуху, нащупал брикет, отломил кусочек и затолкал в рот. Лихорадочно жуя, соображал, куда спрятать свалившееся на него богатство. Взгляд упал на замерзшую лепешку дерьма. Отбил от снега, вырыл углубление, положил в него кашу, сверху прикрыл лепёшкой. Тайник был оборудован! Не переставая жевать (в казарму нужно было вернуться, чтобы не было следов его преступных действий на губах) отметил место схрона и, застегивая штаны, отправился в помещение.

Никто не схватился спрятанной каши, и парень несколько дней имел дополнительное питание. Единственное неудобство – регулярное хождение по нужде. Но и оно подозрения не вызывало. Расстройства желудка случались часто. Вкус той каши старый солдат помнит до сих пор. И никаких угрызений совести о содеянном у него не возникало никогда.

БАНКЕТ

Он появился на банкете, когда убелённые сединами и одетые в праздничные наряды, увешанные орденами и медалями дедушки и бабушки, уже чинно сидели за столами, уставленными различными яствами, которые они не только видели впервые, но и не слышали никогда их названия. Одет человек был в телогрейку, которые сейчас никто не носил, ботинки на липучках, явно чужие, и вязаную шапочку. Возраста был неопределённого в силу грязного, давно небритого лица и нестриженных волос. К нему торопливо подошёл организатор праздника, чтобы выяснить причину появления непрошеного гостя.

Было видно, что тот пьян. Не отвечая на вопросы, подошёл к крайнему столику, налил в пластмассовый стаканчик водки и выпил. Возмущению представителя власти не было предела. Он пытался произнести обличительную речь, но его остановил старик, сидящий за этим злополучным столиком.

– Отстаньте от него! Это тоже участник войны. Сосед мой бывший. Уже несколько лет как живёт то в теплотрассах, то на дачах, в общем, бомжует. Из дома ушёл – семейные неурядицы.

Кстати, два ордена Отечественной войны у него. Офицером был на фронте. А пить-то стал последние несколько лет. Так пьяный, наверно, и по-мрёт...

Он налил в стакан еще водки, подал бывшему солдату. Тот, пьяненько улыбнувшись, выпил. Бутылку спиртного с остатками поставил в карман, и ничего не сказав присутствующим, вышел на улицу, где его ждали товарищи по жизни, такие же, как он бомжи.

ПЕРВАЯ НАГРАДА

Его призвали в действующую армию в сорок втором летом. Стояла невероятная жара. Зной, казалось, пропитал всю растительность, реку, воздух. Дышать было тяжело. Но ещё тяжелее было ожидание смерти: их полк, окопавшийся в чистом поле, подвергался непрерывному артиллерийскому обстрелу и бомбёжке, а между перерывами, пулемётному огню. Это был ад. Хотелось умереть, чтобы всё разом кончилось. И только инстинкт самосохранения не позволял подняться в полный рост и броситься навстречу смерти. Тогда он брал в руки томик Жюль Верна о приключениях знаменитого капитана Немо, невесть откуда взявшегося

в деревенской избе, где они месяц назад стояли на переформировании, и читал вслух, не обращая внимания на раздававшуюся вокруг какофонию. За неделю боёв выучил текст книги наизусть. Спустя десятилетия цитировал целыми страницами своему внуку на рыбалке, когда не было клёва.

Солдат остался жив благодаря мудрому совету бывалого солдата, который советовал при артобстреле выставлять из окопа руку или ногу, а то и жопу. Ему повезло, ранило в ногу и пропоролось осколками задницу. Повезло ещё и потому, что товарищ втащил его в землянку, где находился командир батальона и ещё трое солдат оставшихся в живых. Повезло, когда комбат докладывал по рации об успешной обороне и геройстве личного состава. Тут же представил к наградам: тех, кто прослужил два месяца, а их было двое. Сам комбат и командир взвода – к ордену Красной Звезды, молодых, в том числе и нашего героя, – к медали «За отвагу».

Эту свою первую награду герой получил уже в госпитале. А когда пришло время предстать перед медицинской комиссией по случаю годности к дальнейшей службе, прицепил её прямо на больничный халат. Старая женщина-врач с торчащей изо рта папироской глянула в историю болезни,

посмотрела на восемнадцатилетнего паренька еле стоявшего на ногах, поинтересовалась, где это его так шандарахнуло. Услышав, что он из роты автоматчиков, махнула рукой, сделав запись в личном деле «годен в штурмовую авиацию стрелкомрадистом», мотивируя тем, что он уже пережил свою смерть в окопе.

– Пусть там воюет. Есть шанс выжить, если сейчас вообще это можно сделать.

Он выжил. Закончил войну в Кёнигсберге и вернулся домой. Прожил долгую и счастливую жизнь. Умер от разрыва сердца, когда его пригласили на опознание тела внучки, изнасилованной и убитой наркоманами в годы перестройки.

ОБЕД НА ПЕРЕДОВУЮ

Старшина не был «отец солдатам». Вечно придирался к молодым, ябедничал начальству, к тому же приворовывал. К Стёпке-пулеметчику имел просто патологическую ненависть. То ли за его вечно улыбающуюся физиономию, то ли за готовность помочь любому нуждающемуся, то ли за его молодость, но факт оставался фактом – изводил парня старшина. И довел бы, наверное, до греха, если бы не молчаливый пожилой солдат,

смоливший одну самокрутку за другой.

– Ты это, – прижал он к брустверу старшину, – отстань от парня. Добром прошу. – Его глаза недобро блеснули.

Тот трусливо кивнул головой, фронтовик понял, что его слова не восприняли всерьёз.

Сегодня обед запаздывал. Вернее, опаздывал старшина, который отвечал за его доставку на передовую: ещё утром он с двумя солдатами отправился к походной кухне.

Чуть позже немецкий снайпер ранил Стёпку. А ещё командир взвода долго распекал старого солдата за якобы антисоветскую агитацию и паническое настроение, которое он распространяет среди личного состава, явно со слов старшины. В общем, накипело.

Солдат, чертыхаясь, устроился у пулеметного гнезда, и чтобы успокоиться стал разбирать и собирать оружие. Вдали показались воины, тащившие обед во флягах. Позади, размахивая руками, шёл старшина. Пулемётчик чуть развернул пулемёт, прицелился и дал очередь поверх головы старшины. Тот от неожиданности сиганул в сторону и плюхнулся в грязь. Полежал, прикрыв голову руками, приподнялся. Струйка пуль, прошившая рядом землю, заставила его опять ткнуться в

жижу. Так повторялось до тех пор, пока комвзвода решительно дёрнул солдата за рукав бушлата.

– Хватит, он, наверное, уже в штаны наложил. Да и догадался, что стреляют не немцы.

Стрелявший привёл пулемёт в изначальное положение и стал налаживать самокрутку под одобрительные взгляды однополчан.

ЗАСПИРТОВАННЫЙ МЕРТВЕЦ

Их батальон морской пехоты уже 20 дней оборонял этот южный город, который впоследствии войдёт в понятие «малая земля», благодаря «дорогому Леониду Ильичу». Атаки и артобстрелы были почему-то только днём. Ночью наступала томительная тишина и мучила жажда.

Пронёсся слух, что на окраине города, недалеко от их позиций на территории какого-то предприятия нашли бассейн с пресной водой. Днём подойти к нему невозможно, а вот в темноте шанс был.

Они оба были с Урала, воевали еще с финской. Поэтому боевой опыт и стаж на войне как бы само собой подталкивал их отправиться к бассейну. Не посылать же этих салаг, которые на передовой всего-то несколько месяцев. Обвязавшись фляж-

ками и бутылками, они нырнули в неизвестность. К своему удивлению, добрались быстро и без приключений. Бассейн блестел водной гладью. Подползли. Напарник заматерился. У берега плавал труп. Мелькнула мысль, что могут и их грохнуть. Превозмогая отвращение, оттолкнули мертвеца от борта и стали наполнять фляжки содержимым из бассейна. Стоял, как им казалось, приторный запах, видимо из-за трупа. И все-таки, что-то было не так. Что? Понять не могли, поэтому, закончив работу, быстренько отправились в обратный путь.

Их встречали как героев. Помогали отвязывать фляжки, бутылки. Кто-то с жадностью отвинтил пробку и сделал большой глоток. Поперхнулся и выплюнул.

– Вы что принесли?

– Неужели вода испортилась? Там труп плавал чей-то.

– Какой труп, какая вода! Спирт это!

Моряки загалдели, засуетились, но грозный рык офицера остудил их пыл. Фляжки и бутылки сложили в одну кучу под контролем санинструктора. Хотелось попробовать нежданный подарок, но командир был суров – скоро подойдет катера, чтобы они смогли эвакуироваться, какой уж тут спирт.

Земляки ничего не просили. Просто перегля-

нулись и отошли в сторону. Достали спрятанную фляжку и по очереди приложились к ней. Потом ещё, и еще раз. По телу распространилось тепло, в голове зашумело. А когда раздалась команда грузиться, автоматически заскочили в катер. Приткнулись на корме и мертвецки заснули.

Очнулся солдат в воде. Вокруг крики, взрывы. Их бомбил самолет. Товарища рядом не было. Он поплыл неизвестно куда. Рассвело. Вокруг бескрайняя морская гладь. Потом всё было как в замедленном кино. Матрос отдыхал на спине, затем плыл, опять отдыхал. Была снова ночь, и снова был день. Сознание, то становилось ясное, то куда-то исчезало. Его несли на руках, везли в машине. Пришел в себя только в больничной палате. Когда объяснил, откуда он, у врачей округлились глаза. Оказалось, в воде пробыл около трёх суток.

Когда раненого впоследствии спрашивали, как остался в живых, отвечал:

– Спирт помог, – а перед глазами плавал мертвец из бассейна, который они небрежно оттолкнули от борта и не вытащили на сушу.

СКЛОНЕН К ПОБЕГУ

Еду раздавали бесплатно и много. Мясные и рыбные консервы, паштеты, галеты, хлеб, колбаса в специальных упаковках – всё это находилось в кузове автомобиля, куда рвались все заключенные, способные еще ходить. Они отталкивали друг друга, а если кто падал, затапывали ногами. На лицах был звериный оскал, бессмысленный взгляд. Всех двигало только одно желание: добраться до пищи и жрать, жрать, жрать её, жрать до последней крошки, чувствуя, как она оседает в желудке давящей тяжестью. Ему это не удалось. Ослабевший организм не имел больше сил сопротивляться озверелой толпе. Тихо скуля, опустился на землю и потерял сознание. Это спасло ему жизнь. Те военнопленные, которые отведали американских деликатесов, как выяснилось позже, умерли от заворота кишок. Их организм не выдержал такого количества пищи, которой не получал последние два-три года.

Выздоровливал бывший заключенный концлагеря долго и медленно в лагере для перемещенных лиц, который находился в западной зоне, освобожденной от фашистов американцами. А когда он смог адекватно отвечать за свои действия,

стал упрямо проситься домой, в Россию. И, в конце концов, добился своего.

... Он знал, что началась война с Германией. 15-летний паренек из небольшого белорусского села, которое было захвачено немцами в начале войны, никогда не видел ни солдат Красной армии, ни фашистов. Просто приехали какие-то люди и доходчиво, объявили о новой власти, новом порядке, который устанавливали они. Ему и матери было приказано явиться в комендатуру для регистрации. Явились ровно в назначенный срок – привыкли, что власть нужно слушать беспрекословно. Их определили во вновь созданный колхоз на уборку картофеля. Жили в бараках, которые, кстати, почти не охранялись. И это был соблазн. Соблазн побега. Паренёк к этому времени уже понимал, что такое война. Его воображение будоражила партизанская жизнь, о которой шепотом и тайком рассказывали бабы и такие же, как он, пацаны.

Решение бежать возникло спонтанно. Вечером после работы вышел из барака и подался в поле, где пролегал большак. Схватили утром на следующий день. Два полица вытащили из стога сена, отдубасили, и отвели к своему начальнику. Тот не разбираясь, приказал отправить в лагерь

Разорванная память

Югры

17

Государственная

КО

- 0137499 -

для военнопленных, который находился недалеко. Напрасно юноша доказывал, что он никогда не служил в армии, что живёт в соседнем городке, там мать... Его рост, а был не по годам высокий, спортивное телосложение сыграли злую шутку – приняли за молодого солдата. Так он стал военнопленным.

Спустя несколько месяцев, парень повторил побег уже с двумя подельниками. Компанию взяли неделю спустя, продержали немного в местной тюрьме и, оформив соответствующие документы, отправили на запад. Попал в концлагерь с пометкой в сопроводительных документах «склонен к побегу». Это и решило его судьбу. Определили в отряд, подлежащий уничтожению в крематории. Нет, специально их не убивали и не расстреливали. Они просто постепенно умирали от непосильного труда, голода и холода. Так просуществовал почти три года. В возрасте 18 лет весил 32 кг. Последнее время плохо понимал, где он, что делает. Хотелось только кушать и спать.

Сознание прояснялось и мобилизовывалось лишь на вечерних проверках. Состояла она в следующем: нужно было пробежать по тротуару перед баракom, который лежал не на земле, а висел в сантиметрах двадцати над ней и качался. Пробежать – это сильно сказано; пройти, проползти, так

вернее. В конце его стояли конвоиры с железными крюками в руках. И если считали, что ты не жилец отбрасывали вправо – в крематорий, если позволяли жить дальше, разрешали заскакивать в дверь барака. Откуда бралась у него, в этот момент сила не знает до сих пор, но тротуар побеждал всегда. Вплоть до освобождения.

Представитель советских вооруженных сил в лице майора контрразведки был усталым пожилым человеком. Увидев парня, которого шатало от ветра, выслушав рассказ о прошлой жизни, решил судьбу юноши радикально – отправил в Россию. Добирались они два месяца – шли колонной пешком до Урала. Там объявили, что все они участники всесоюзной стройки. Нет, это были не сталинские лагеря, но документы, удостоверяющие личность выдали только через пять лет. Тогда же разрешили ехать куда захотят. Он отправился в Сибирь.

Заслуженный строитель России, кавалер многих советских орденов и медалей, он вырастил троих сыновей, имеет восьмерых внуков. На пенсии. Заядлый рыбак. О военном лихолетье напоминает лишь номер, наколотый на руке.

ЗАГРАДОТЯД

Эти солдаты пользовались дурной славой на фронте. Заградительные отряды существовали везде, где воевали солдаты из штрафных батальонов. В их обязанности входило расстреливать отступающих штрафников, если вдруг атака захлёбывалась. Об этом хорошо знали те, кто первыми врывались в окопы противника. Зла не держали, понимали: так надо, потому что наступать с одной винтовкой на двоих, ползти или лежать в открытом поле, когда пыль вокруг не успевает осесть от артиллерийских взрывов на землю, никакой смелости не хватит. И многие в панике бежали под пули своих соотечественников.

...Они вошли в этот небольшой городок через пару часов, после того как его атаковали штрафники. Выждали, чтобы удостовериться – немцев нет. Двигались группами. Вначале город казался пустым, но чем глубже проникали на улицы, тем явственней было видно – жив. То здесь, то там мелькали люди, которые при виде военных торопливо прятались в подворотни или в дома. Затем стали появляться штрафники (они были без

знаков различия) шныряющие по улицам в поисках то ли недобитых фашистов, то ли чего-нибудь стоящего и нужного для них в данный момент. Что было странно, многие из них были навеселе, а то и вообще пьяные. Наткнулись на такую группу штрафников: они в руках несли кто котелки, кто ведра – в общем, ёмкости чем-то наполненные. Поинтересовались, что это? Оказалось, спирт. Его было много на железнодорожной станции в цистерне. Слух о нём разнёсся уже по всему населенному пункту, так же как и то, что охранялся он символически. Не сговариваясь, повернули к вокзалу, на ходу изыскивая ёмкости. На посту мирно посапывал часовой. Рядом из дырки проделанной в цистерне текла живительная влага. Наполнили всё, что можно было, и двинулись искать свою роту, вернее, место, где её штаб мог располагаться. Нашли, доложили командиру о происшествии. Похвалив за сообразительность, капитан приказал подыскать соответствующее жильё, в котором можно не только отдохнуть, но и переночевать. Надвигалась ночь.

Отдыхали тихо, но основательно. В начале пили разбавленный спирт, затем чистый. Чем всё кончилось, никто не помнил. Очнулись ночью. Спали вповалку в каком-то частном доме. В кро-

мешной темноте, кряхтя и чертыхаясь, капитан по рации расспрашивал позывной «Пион», где они находятся, далеко ли немцы, кто впереди, сбоку, сзади? В общем, полную дислокацию.

Послышалось бряцание кружек, глубокий выдох и риторический вопрос – утверждение.

-А ведь немцы могли вырезать нас простыми ножами. Это надо же было так нажраться.

Война будет длиться еще два года. Но этот случай запомнился надолго – ведь как просто, по собственной глупости, можно потерять самое дорогое – жизнь!

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

В палате он создавал много шума: то кипятил в кружке чай, приглашая всех присоединиться к нему, то начинал разговаривать громко, не выбирая выражения, то «ревизировал» свою тумбочку, разыскивая колоду карт, которой впоследствии играли в «тысячу». В общем, был в центре больничной жизни. Судя по разговорам, был участником Великой Отечественной войны, но специфический, блатной жаргон, присутствовавший в речи, смущал, предполагая, что войну он

провел в местах не столь отдаленных.

Его откровенный монолог о жизни солдата, а потом зека случился как бы само собой. Просто возник предмет разговора. На завтра было 9 мая – День Победы.

– Мне сразу не повезло: попал во 2-ю ударную под командованием Власова. Воевали, а вернее сказать, выживали трудно. Поверишь, вместо боевых, выдавали деревянные гранаты, покрашенные в черный цвет. Винтовка была одна на отделение. Повезёт, убьёт твоего товарища, может и достанется тебе боевое оружие, нет – будешь ждать следующего боя, и если тебя не убьют, то...

Был вторым номером у пулемета «максим». Да, вот пришлось подержать это чапаевское оружие в руках. В общем, через несколько дней боёв, я был уже экипирован по полной программе. Тут убили моего первого номера и, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло, отправили меня на переподготовку в тыл. За это время армию объявили предательской и оставшихся в живых солдат отправили на расформирование. Так я оказался на ленинградском фронте. Трижды был ранен, валялся по госпиталям, кормил вшей в окопах. Всякое было. К концу войны оказался недалеко от Берлина. А когда объявили о капитуляции, решили с корешами широко отметить это знаменательное

событие. Выбрали небольшой магазинчик в городе, взломали двери и стали пьянствовать прямо в помещении склада. Через какое-то время потянуло на девочек. Их нашли в соседнем доме. Они не отказывались, кажется, даже довольны были. На третий или четвертый день (все происходило в пьяном угаре) проснулись. К этому времени спиртное кончилось. Полезли опять за ликёром, там, в основном, ликер был, такой сладко-приторный. Тут нас и прихватил военный патруль. Припаяли нам по полной: самовольный уход из части, грабеж, разбой, изнасилование. Видимо, кому-то нужна была показательная кампания. Впаяли всем по совокупности – по 10 лет, лишили наград и званий, (жаль медаль «За отвагу») и отправили этапом в далекий город Лабытнанги, что у Ледовитого океана. Отсидел полностью. Вскоре залетел опять на 7 лет и тоже по пьяне. Получил инвалидность. Вот с тех пор – или по подвалам, или теплотрассам бичую. В перерывах отдыхаю в больнице, когда становится невмоготу. Ни о чём не жалею. Жизнь прожил, а хорошо или плохо – не мне судить. Это дело божье.

Он ловко одной рукой, вторая отсутствовала, выдернул из-под матраца колоду карт:

– Сыграем, что ли? – и стал раздавать карты.

ОДНА ЛОЖКА НА ДВОИХ

На передовой эти двое были недавно. Поэтому, как молодых неопытных солдат их больше использовали на хозяйственных работах. Вот и сейчас старшина послал за обедом, вручив большие термосы и котомку под хлеб. Отправились с удовольствием. Во-первых, прогуляться долевой кухни туда и обратно – всё какое-то развлечение. Во-вторых, у кухни можно было узнать последние новости, которые повара знали точно, ну и, в-третьих, поест от пуза, прямо на раздаче большая удача.

Выполнив все свои желания, неторопливо несли нехитрую поклажу на передовую. Вдали слышали гул самолета.

– Юнкерс, – махнул рукой товарищ, – давай вон за тем кустом переждём, сейчас стрелять начнёт.

Присели, поставив между собой термоса. Гул нарастал. Инстинктивно втянули головы в плечи, закрыли глаза. Но всё равно пули, свистевшие рядом, были неожиданны и испугали их.

Когда самолет улетел, молодой солдат толкнул кореша.

– Ну, ты как, нормально?

Вместо ответа тот мешком повалился на зем-

лю. Из-под уха пульсировала вытекающая кровь.

«Ложка у него за голенищем осталась» – почему-то появилась мысль в голове, – она у нас одна на двоих. Достать надо».

Отрешённо, как будто это происходило не с ним, а совершенно с посторонним человеком, вытащил ее, обтёр о полу бушлата и засунул себе за голенище сапога. Взял в обе руки термосы и повороток их ждущим обед сослуживцам.

Объяснять ничего не надо было. Солдаты видели всё сами.

– Ложка, вот, у нас на двоих была, забрал, – показывал всем её молодой солдат.

Это была первая смерть у него на глазах .

БАНЯ

Завтра его поведут на расстрел. Думал ли он о своём будущем? Переживал ли о содеянном, понимал ли, что в 19 лет жизнь может оборваться навсегда и его уже никогда не будет? Думал, но это были мысли, как бы, не свои, а постороннего человека.

...Часовой принёс еду, сочувственно глядя на арестованного:

– Ты поешь, милоч. Может ещё всё образуется. Вон, говорят, командир полка должен приехать. Обязательно разберётся.

От этих слов у рядового непроизвольно потекли слёзы. Он с надеждой поглядел на часового:

– Вы думаете это возможно?

«Господи, да он совсем же мальчишка», – подумал сержант, а вслух спросил: – как же ты такого бугая умудрился уложить, что он даже в медсанбат попал?».

– Не знаю, просто мне в тот момент показалось, что передо мной враг.

...В тот день их рота, после месячного нахождения в окопах, наконец-то была отправлена в тыл на помывку в баню. Ну, баня это сильно сказано. Переоборудованный под это дело амбар, просто, больше всего подходил. Умельцы сложили в нём, печь, на которой грели воду. Сделали лавки, в углу, около дверей поставили здоровенный бак под холодную воду. И небольшой – под горячую, который стоял на плите. Из-за кипятка и произошла драка с этим амбалом.

Солдат уже около часа ждал горячую воду, которой пользовались ввиду малого количества, по очереди. Все понимали, что враз 20 литров не хватит на целое отделение, поэтому терпеливо

грелись у печки, плескаясь холодной.

Здоровенный детина ввалился в помывочную шумно и без очереди. Бесцеремонно отобрал у него шайку и стал мыться.

– Ты чего, это же моя, – стараясь быть спокойным, повернулся он к наглецу.

– Ну, ты, недоносок, сдохнуть в окопе можешь и грязный, а мне при штабе надо находиться чистым. Я, как ни как, ординарец комбата.

От этих слов затрясло, в голове билась мысль: «Вражина, сука, гад. Да как же ты можешь так поступать со мной».

Дальнейшее происходило как в тумане. Парнишка схватил железный ковш и с размаху ударил обидчика по голове. От неожиданности тот отскочил в сторону, и, поскользнувшись на мокром полу, растянулся во весь рост, потерял сознание. Вокруг головы растекалась кровь.

Гнев прошел сразу же, как упал ординарец. В груди была холодящая пустота, очень болел затылок. Вокруг суетились товарищи, оказывая первую помощь пострадавшему: положили на носилки и понесли в медсанбат.

– Зря ты связался с этим дураком, – похлопал по плечу его командир отделения, когда они, одевшись, вышли на свежий воздух.

– Он тебе этого не простит. Обязательно донесёт комбату. А он, псих еще тот. Наверняка, под вышку подведёт.

Накаркал кореш. Комбат, не разбираясь, приказал наказать по законам военного времени – расстрел. Как рассказал особист, парня обвиняли в необоснованном нападении на старшего по званию, нанесении тяжких телесных повреждений. Причем, сопровождалось это, по словам ординарца, антисоветскими лозунгами и призывами переходить на сторону немцев: там мол хоть помыться можно по-человечески.

– Да бред, вранье всё это, – оправдывался солдат.

– Возможно, но ранил ты его тяжело. А то, что тебя оскорбили, к делу не пришьёшь. В общем, в распыл тебя.

Ночью парню снилась родная деревня, река, где часто рыбачил с дедом, и мать, плача, говорившая ему:

– Ну, зачем же ты, сынок, так поступил. Вот я всю жизнь мылась только холодной водой и ничего, живу.

– Не в этом дело, – кричал в ответ солдат, – он оскорбил не только меня, а всех, кто находился на передовой!

Проснулся от собственного крика и лязга за-
сова в двери. В арестантскую вошёл полковник в
сопровождении начальника караула. Пронзитель-
но посмотрел на арестованного и отрывисто спро-
сил:

– Значит, грязным сдохнуть в окопе не хо-
чешь? Поэтому чуть не убил ординарца комбата?

– Так точно, товарищ полковник, по право-
славному обычаю на смерть чистым быть полага-
ется.

Командир полка повернулся и уже в дверях
приказал сопровождающему офицеру:

– Расстрел отменить, обойдёмся штрафба-
том, – и задумчиво, как бы самому себе добавил:–
хотя для него и этого много, да та сука донос уже
написала в дивизию...

Через несколько часов солдата под конвоем
доставили на новое место службы. Это была оче-
редная уловка полковника, который понимал, что
его приказ тоже могли отменить...

РУССКИЙ ФИНИ

Благодаря своей национальности, он не по-
пал в кольцо блокады Ленинграда, и не пережил
весь тот ужас, который испытали люди, пережив-

шие голод, холод, людоедство, смерть родственников. А попал в Сибирь, далёкий город – порт Дудинка, что на реке Енисее. После финской кампании, население деревни, а жили в ней, в основном, карелы и финны, выслали, как неблагонадежных. Везли 15-летнего паренька вместе с семьей по железной дороге до Красноярска. Затем водой на пароходе до места назначения

Молодой финн с трудом адаптировался на новом месте. В душе было недоумение, обида на власть. Он не понимал, в чем виноват, почему не доверяют. Но ответа не находил. Вскоре от непосильного труда умерла мать. На глазах угасал дед. Когда же пришёл его смертный час, позвал внука и напутствовал:

– Беги отсюда, иначе померёшь. Только никому не говори, что ты финн, смени фамилию.

Так у парня появилась цель. Всю зиму готовился к побегу: припрятывал продукты, одежду, копил деньги, осторожно выпрашивал у местных, как добраться до Красноярска. В первом же прибывшем в порт пароходом, спрятался в трюме и проплыл километров сто: «зайца» обнаружили и высадили на берег. В общем, добирался до «большой земли» пять месяцев: когда удавалось водой, если нет – шёл пешком, иногда подвозили на ма-

шине, даже на оленьих упряжках. Питался, что бог подаст: кормили добрые люди, нанимался работником за продукты, воровал. На него мало кто обращал внимания – много таких оборванцев бродило в то время по дорогам бескрайней Сибири.

В Красноярске, по наущению знакомого бродяги, которому рассказал об отсутствии документов, пришёл в приёмник-распределитель, заявив, что у него их украли, что он русский и фамилия его Иванов (говорил - то по-русски без акцента).

На удивление, справку на новое имя выдали быстро. После долгих мытарств добрался до Омска. Устроился на завод разнорабочим. Там же встретил окончание войны. Получил профессию шофёра. Через несколько лет женился. Свою тайну открыл жене только после смерти вождя всех народов. Супруга вначале перепугалась, но потом привыкла к этому. Про финское имя не спрашивала. Однако всё время уговаривала переехать в другое место. Так они кочевали из города в город, пока не оказались в леспромхозе, только что созданном в Тюменской области.

Прошло более полувека. За большие достижения в труде ему присвоили звание почётного работника лесной промышленности. Однажды решился съездить в родные места. Нашлись даже

дальние родственники: предлагали остаться, вернуть настоящее имя. Он не согласился: жизнь, хорошо или плохо, прошла. В Сибири дети, внуки, могилка жены – вернулся обратно. Доживал свой век в кругу семьи, где царила любовь, забота и уважение.

На его похоронах было много народу. Говорили речи о том, какой это был удивительный, порядочный человек, о трудной судьбе, и как стойко переносил все тяготы, выпавшие на его долю.

...В родительский день на могиле ветерана всегда цветы.

БЛОКАДНИЦА

Последние годы её часто приглашают в январе, когда отмечается дата прорыва блокады Ленинграда, в школы города, поделиться воспоминаниями о том далёком времени перед учениками. И каждый раз она волнуется, рассказывая как всё было: вновь и вновь переживая те страшные дни.

...Девочке было семь лет, когда началась война. Семья жила в посёлке на берегу Финского залива. Впоследствии это место называли Ораниенбаумский пятачок. Осенью сорок первого и зимой

сорок второго там шли ожесточенные бои. Их эвакуировали в марте: бабушку, мать, брата и трёх сестер. Она была младшей, может быть, поэтому вспоминается всё обрывками. Но картинки прошлого остаются яркими, как будто произошедшее было вчера.

...Вот их везут через Ладожское озеро в кузове машины. Колёса почти полностью в воде. Напугано, пряча голову, прижимается к матери. Вокруг всё взрывается: брызги, свист осколков от разрывающихся снарядов. Впереди и сзади вереница машин с людьми. Затем погрузка в вагоны, которые в народе называли «телятники», видимо, потому, что когда-то в них возили скот. Ехали долго, спали прямо на полу, питались тем, что захватили из дома. Когда кончается еда, на редких остановках меняют что-нибудь ценное на продукты. Многие болеют и умирают. Их либо выбрасывают по ходу поезда из вагона, либо оставляют на остановках. Запомнилась женщина с подростком. Он подхватил, видимо, простуду и, спустя два дня, умер. Мать зашила его в одеяло, вынесла на насыпь железнодорожного полотна (была неожиданная остановка). Но состав простоял трое суток, и все это время его труп использовался как ступенька в вагон. На него наступали при выходе и входе.

Девочка видела, что даже его мать наступала на труп, не выражая никаких чувств.

Прибыли в Тюмень. Всех выгрузили и повели, куда-то на окраину города. Поселили в помещении бывшей школы. Там все блокадники ждали отправки на Крайний Север – так распорядилось начальство. В это время заболела и умерла от дизентерии бабушка. Через несколько дней поднялся жар у матери, и её увезли в больницу. Диагноз – тиф. Старшие сёстры и брат каждый день ходят её проведывать. Вскоре была сформирована партия для отправки в Салехард. Дети слёзно умоляли врача отпустить мать вместе с ними. Уговорили: женщину положили на носилки (у неё отказали ноги, как впоследствии выяснится, до конца жизни) и вместе с детьми погрузили на пароход.

Следующая картинка. Барак в посёлке который находится почти у океана. Мать на костылях, обустроивает комнату, в которой им придётся прожить много лет. Запомнился длинный коридор, где можно было бегать и играть. В соседях такие же блокадники, «враги народа», вербованные, бывшие уголовники.

Ей 10 лет. Ура! Она идёт в первый класс. Новые друзья, заботы, учёба. Семилетку окончила хорошисткой. Как бы тяжело им ни жилось, мать

отправила её в Салехард, учиться в педагогическом училище. И вот, она дипломированный учитель. Дальше всё «как у людей»: знакомство с будущим мужем, свадьба, рождение дочерей. Поиск лучшей доли. Приглашение в Дом пионеров, во вновь созданном районном центре на железнодорожной ветке Ивдель – Обь, где она проработала до пенсии.

Нет, она не привыкла сидеть, сложа руки: летом копается в огороде, нянчит правнуков, состоит в правлении ветеранской организации, помогает улучшать бытовые условия участникам Великой Отечественной войны. А в годовщину снятия блокады Ленинграда, готовится к встречам с детьми, для того, чтобы напомнить им о тех днях.

«РУС ИВАН»

На неё без улыбки нельзя было смотреть, особенно, когда похлопывала себя по округлившемуся уже животу, старательно выговаривая, «Рус Иван, Рус Иван». Так она показывала, что будущий отец ребёнка русский солдат. Зла на него не имела. Ее практичный ум говорил, что победители всегда правы: так воспитывал их фюрер. Даже тогда, когда молоденький безусый мальчишка в военной

форме, бормоча, что-то ласковое, пригласил её в сарай. Она не сопротивлялась, наоборот, хотела этого, как женщина. Прагматичная немка, думала о своей дальнейшей судьбе. Знала: беременных девушек от русских солдат берут на довольствие советские комендатуры. Продуктов, получаемых по продаттестату, хватало не только себе, но и родственникам.

Марта приходила в здание комендатуры каждый понедельник как на работу, что практически так и было. Помогала убирать помещение, стирала солдатское бельё, в общем, старалась отблагодарить за заботу и помощь. Её знали все: от рядового до командира. Каждый старался сказать ласковое слово, проявить максимум внимания, помочь. Когда наступило время рожать, волновался весь личный состав.

Роды, на удивление, прошли хорошо. Появившийся на белый свет, мальчик громко кричал, словно требовал к себе особого внимания.

– Ты смотри, какой горластый, – отрезая пуповину, добродушно пробасил фельдшер, – боевой пацан вырастет.

Молодая мама с умилением смотрела на появившийся комочек её плоти, воркуя что-то по-немецки, поглаживая сына.

...Шёл 2005 год. Наша делегация туристов, волею судеб, оказалась в том самом немецком городке, где проходили те давние события. В гостинице нас встречал хозяин отеля – мужчина средних лет. На сносом русском языке он объяснил, что сегодняшней обед будет за счет заведения, и, что на нём хотела бы присутствовать его мама – фрау Марта. Делегация, конечно, согласилась. Обед прошёл «на ура». Мы с любопытством поглядывали на пожилую женщину, которая держалась торжественно и чинно, с явным удовольствием рассматривая нас. Когда трапеза подошла к концу, в зале появился хозяин гостиницы и сказал, что его мама хочет выпить с русскими туристами водки, которую тут же принесли официанты. Старая немка встала и начала говорить на своём языке, затем чокнулась своей рюмкой с каждым из нас, приговаривая при этом:

-Спасибо рус Иван, спасибо.

На наш вопрос, чтобы это всё значило, сын объяснил:

– Это традиция приглашать на обед русских, посетивших первый раз наш город.

СЫН ПОЛКА

Ему повезло. Из-под печки, единственного строения оставшегося от избы, которую сожгли каратели, его, вытащил артиллерист, оказавшийся земляком – белорусом. Это и предопределило дальнейшую судьбу 12-летнего парнишки, оставшегося сиротой.

Спаситель, которого звали дядька Петро, добился невозможного: сироту оставили при батарее, определив: как сына полка. Жил Юзик, так звали парнишку, вместе с взрослыми. Ему справили военную форму и велели находиться при лошадях, которые таскали артиллерийское орудие на позиции. Руководил этим делом дядька Петро. Спуску не давал, поэтому солдатскую пайку новоиспеченный сын полка отрабатывал сполна: кормил, убирал, чистил животных, попутно выполнял поручения командира орудия.

Так прошло несколько месяцев. Однажды (они базировались в небольшом селении) батарее пришлось принять бой. Немцы ожесточенно оборонялись. Необходимо было предупредить командира дивизиона о передислокации противника. С таким поручением отправили Юзика – благо штаб находился недалеко. Парнишка выполнил приказ,

но, возвращаясь, получил пулю в ногу.

В госпитале ему сообщили приятную новость: он представлен к правительственной награде – медали «За Отвагу», самой уважаемой солдатской награде.

Вручая медаль, командир дивизиона сказал: – Молодец, ты нам, как взаправдашний, сын, но рисковать мы тобой не можем. Поедешь в суворовское училище, тебе учиться надо.

Так молодой солдат оказался глубоко в тылу. Однако суровая военная дисциплина, не нравилась сыну полка. Его характер взрывной, независимый никак не мог мириться с такой жизнью. Юзик убегает из училища. Мотается по городам и весям, беспризорничает. В конце концов, попадает за кражу у барыги чемодана в милицию. Два года колонии отбыл от звонка до звонка.

Кадровик лагеря, вручая сопроводительные документы, изучив его личное дело, предложил направление в ФЗО (фабричное заводское обучение). Там не учитывали образование, обучали какой-либо гражданской профессии, и, что самое главное, одевали и кормили всё время обучения за счёт государства бесплатно. Так он выучился на тракториста и отправился осваивать далёкую Сибирь.

Работал в коммунальном хозяйстве. Женил-

ся, родились дети. О своём фронтовом детстве никому не рассказывал, кроме жены. Та, как-то на праздновании дня Победы, похвасталась профсоюзному лидеру, что муж был сыном полка и награждён медалью. Тот заинтересовался. Спустя некоторое время вызвал Иосифа к себе, расспросил обо всём, поинтересовался:

– Где медаль-то?

– Так в суворовском училище осталась, – развёл руками тракторист.

Спустя год на праздновании очередного дня Победы бывшему сыну полка торжественно была возвращена фронтовая награда, и он был внесён в списки участников Великой Отечественной войны.

ТРУЖЕНИК ТЫЛА

– Митька, Мить, смотри, кто-то на лошади скачет, наверное, к нам, – обратился к пацану лет 12–13 босоногий мальчонка, выпалывая сорняки, к Митьке Букаринову, бригадиру полеводческой бригады колхоза имени Алексея Стаханова, работавшей на прополке буряка на дальних полях.

Но всадник промчался мимо и уже вслед как эхо, донеслось:

– Во–й–на!

«С кем? – растерянно подумал мальчонка, – ведь недавно еще в школе говорили, что мы самые сильные. Красная Армия непобедима. Кто же это такой наглый?» Так началась война для простого деревенского паренька.

...Семья Букариновых по меркам того времени была средняя: батька с матерью, бабка с дедом, пять сестёр, да он – Митька, старший среди детей, отроду которому было в июне 1941 года 12,5 лет. Через месяц ушёл на фронт отец, главным работником и добытчиком в доме стал он. Надо было кормить семью. Как-то само собой пришло решение бросить школу, учиться придётся потом, после войны. А сейчас надо работать без выходных с раннего утра до позднего вечера, тем самым, приближать день Победы. Где только ни трудился: весной пахал землю, летом пас коров, косил траву, осенью - уборка урожая, зимой заготавливал лес для нужд колхоза. Ловко научился обращаться с лошадьми, лихо гонял в «ночное», управлялся с косилками и молотилками. В общем, к концу войны стал незаменимым работником на селе. В 1945-ом рвался на фронт – не взяли, – нужен в колхозе.

Окончание войны запомнилось как большое

событие: председатель разрешил не работать их бригаде (в ней были только подростки 11–16 лет) целый день. Вот это был праздник! Григорич, так стали к тому времени с уважением звать его односельчане, до сих пор с придыханием говорит о том далёком счастливом дне, и из-под густых седых бровей в глазах сверкают слёзы.

Порадовались... И опять начались трудовые будни – надо было давать Родине всё больше и больше хлеба, мяса, молока. Сами кормились, в основном, с реки и леса (на трудодень-то ничего не давали). Вскоре с фронта вернулся домой израненный и контуженый отец. Немного отлежался и за работу. Потихоньку деревня оживала: вновь зазвенели детские голоса по улицам, вечерами молодежь стайками кучковались на завалинках домов – пели песни, плясали. Так прошло четыре года. Вскоре пришла долгожданная повестка в армию. Попал в Берлин, служил фельдъегерем в штабе маршала Чуйкова.

– Не воевал, а Берлине побывал, – смеется Григорич, Вернулся через три года в родную деревню. Посмотрел и ужаснулся – колхоз-то стал жить хуже чем до войны.

...Решение сменить место жительства пришло спонтанно: родственники, живущие в сосед-

нем райцентре Кондинское (ныне городское поселение Октябрьское), прислали письмо, пригласили погостить. Уволенный в запас ефрейтор Букаринов приехал к ним и решил обосноваться на новом месте. Пошёл в военкомат встать на учёт. Туда же устроился работать делопроизводителем.

Прослужил, правда, недолго. Тогда было принято посылать в колхозы и совхозы уполномоченных от райкома КПСС (в партию вступил в армии) для проведения линии партии и контроля за ходом посева или уборки зерновых. Конечно, они больше мешали, чем помогали. Предложили и Григоричу. Хотя сельское хозяйство знал хорошо – отказался. Понимал, что это ни к чему полезному не приведёт. В райисполкоме вначале опешили, затем разгневались, исключили из рядов партии «зарвавшегося сопляка» на год (была тогда такая мера наказания) и уволили из военкомата. Куда он только ни пытался устроиться на работу – под разными предлогами не брали. Как объяснили: попал в черный список. Но, в конце концов, смог всё-таки устроиться простым монтером в районный узел связи. Через некоторое время начальник заметил инициативного молодого человека, трудившегося на совесть. Втихаря от начальства послали на курсы повышения квалификации почтовых

работников. По окончании Григорича назначают начальником почты в одно из отдаленных национальных поселков (к этому времени его восстановили в рядах КПСС). Так начался третий этап его жизни – работа в Октябрьском узле связи, где проработал 30 лет.

Ему пришлось создавать изначально почтовое дело в районе: организовывать отделения в посёлках, расположенных вдоль Оби, телефонную связь, доставку писем, посылок, бандеролей. Внедрять новое – перечисление денежных средств населения по телефону и многое другое. Тогда это было первостатейное дело. Существующие ныне почтовые отделения в Нягани, Приобье, остальных поселках района обязаны своим появлением Григоричу.

В 1981 году Дмитрия Григорьевича Букаринова переводят заместителем начальника Советского узла связи, где он и проработал до выхода на пенсию. Заядлый рыбак, регулярно плетет сети, хозяйничает по дому, ухаживает за огородом, охотится. В его ведении большой двор, мастерская, теплицы. Без дела не сидит ни дня.

КАК ПРОВОЖАЛИ НА ФРОНТ

День начинался как обычно. Чуть забрезжил рассвет, а он уже торопливо бежал на завод, где работал слесарем. Не дай бог опоздать на минуту. Тогда пять лет лагерей обеспеченно, тем более что у него было уже два замечания. Ведь война шла четвертый год.

В цехе всё как всегда: верстаки, пацаны 12–14 лет, женщины – все готовились к пересмене. Переодевшись в спецовку, получил инструменты. В это время к нему подошёл мастер, и как-то обыденно вручил ему повестку:

Тебя на фронт забирают завтра. Иди домой, – и шаркая ногами, пошёл прочь.

– Мальчишка ещё совсем, семнадцать только... – то ли спрашивая кого-то, то ли утверждая, бормотал он себе под нос.

Домой будущий солдат шёл сосредоточенный, глубоко вдыхая морозный воздух. Он как бы заново узнавал давно знакомые улицы, дома. Вот школа, куда бегал восемь лет на учёбу. Вот пустырь, где гонял футбол, играл в городки или лапту. А там, за поворотом, дом, в котором живёт Катюшка – девочка с зелёными глазами. Когда она была рядом, сердце паренька, казалось, вот-вот

выскочит из груди от волнения.

В комнате раздавался стук швейной машинки: мать - портниха обшивала всю округу. Подняв голову, вопросительно посмотрела на сына. Смущаясь, сообщил ей о повестке. Та схватилась за сердце, побледнела, глаза наполнились слезами. Сухие губы чуть слышно прошептали:

– Последнего-то зачем? Трое уже воют. – Поглядела на фотографии, висящие на стене. Вот Степан – муж, рядом старший – Иван, Средний – Коля. Завтра повесит и фото младшего...

Вечером пришли гости: старый мастер с завода – друг отца, сосед и Катюшка – зеленоглазая любовь призывника. На столе роскошная закуска: варёная картошка, квашеная капуста, сало и, о боже, бутылка марочного, довоенного вина – всё это мать выменяла у спекулянтов за отрез крепдешина, который берегла еще с мирных времен.

Неожиданно погас свет. Девушка испуганно схватила суженого за руку, и уже не отпускала ни на минуту. Так они просидели до утра: мать, влюблённые и мастер, которому некуда было идти – он жил при заводе. Изредка переговаривались о чём-то незначительном, но им казалось, важном. Рассвело. На улицах появились куда - то спешащие люди. Город просыпался.

В военкомат молодой солдат поехал один. Он убедил женщин, что если его не будут провожать, обязательно вернётся домой живым и невредимым. Но в душе боялся по-детски расплакаться на глазах у родных ему людей, потому что было просто страшно. Страшно понимать, что можешь быть убит и никогда-никогда не увидишь зеленых глаз любимой, не прижмёшься к матери.

В отчий дом он вернулся, как и обещал. А отец с братьями полегли на чужбине. Шёл декабрь сорок пятого.

ШЕСТЬ ЧАСОВ ОККУПАЦИИ

Немцы появились в этом украинском селе утром. Люди только что управились с домашним скотом, возились в садах, огородах, завтракали. Первыми по улице проехали мотоциклисты, следом грузовая и легковая автомашины. Они столпились у здания сельсовета, оживленно разговаривая между собой.

Шестилетний мальчик с любопытством выглядывал в окно, с интересом рассматривая чужих людей в военной форме. Еще его интересовали мотоциклы – видел впервые. Мать отгоняла от окна, бегая и охая по комнате. Что-то прятала, перекла-

дывала с места на место, нервничала, не зная чего ждать от непрошенных гостей.

...В хату вошли трое: офицер (мальчик понял это по надменному лицу) и двое солдат. Похозяйски прошлись по комнате, заглянули во все дворовые постройки. Затем офицер взмахом руки приказал покинуть им дом.

– До 14 часов, – на ломаном русском, отрывисто сказал он.

Мать торопливо подхватила ребенка на руки, бросилась из помещения. На улице было уже много односельчан. Галдели солдаты, собравшиеся у колодца. Умывались, пили воду, лежали в тени фруктовых деревьев. Окрик старшего по званию заставил их встрепенуться. Выслушав приказ, двинулись к сельсовету. Через некоторое время выволокли оттуда двух женщин и потащили на окраину села, где стояли скирды соломы.

Стояла звенящая, напряжённая тишина. Мальчик прижался к матери и застыл в ожидании чего-то плохого. Раскаты автоматной очереди взорвались как гром среди ясного дня. Хором взвыло всё село. Детский плач, рыдание женщин и старух, мат стариков – всё смешалось разноголосьем. Так народ отреагировал на гибель председателя и бухгалтера, которые числились на этих

должностях всего две недели.

Три молодые девушки, заламывая руки, бросились к скирдам, где лежали расстрелянные. Бабы, пытаясь остановить их от опрометчивого шага, не пускали – расстрелянных охраняли солдаты, всем своим видом показывая решительность в выполнении приказа. Девушки всё-таки, а это были дочери убитых, убежали. Спустя время опять раздалась очередь: теперь у скирды лежало пять трупов.

Не дают забирать и хоронить до вечера, – шёпотом передавали бабы, – даже дочерей кончили ироды.

Малыш устал от испуга и напряжения, но от матери не отходил ни на шаг. Вместе они стояли, прислонившись к яблоне, не зная, что предпринять.

«Когда же наступит 14 часов. Как об этом узнает начальник солдат, если он на улице, а часы висят в хате? Сквозь стену же не видно» – думал он, и не заметил, как заснул.

Его разбудили громкие голоса, а так же шум моторов мотоциклов. Немцы усаживались в них и колонной двинулись из села к большаку. Замыкала вереницу легковая машина.

Люди еще долго боялись входить в свои

хаты. Боязливо, то один, то другой заглядывали во дворы, окна. Когда стемнело, все уже были в родных пенатах.

В их доме на удивление был порядок. Немцы ничего не тронули. Более того, на столе лежало несколько банок консервов и круг колбасы.

– Давай вечерять, – как ни в чём не бывало, сказала мать и стала собирать на стол ужин.

Уже засыпая, мальчик подумал: «Интересно, тётенек закопали или нет. Если нет, то по ним мухи же будут ползать».

Так закончилось шесть часов оккупации. Шёл июль 1941 года. Больше в селе не было ни одного немецкого солдата за всю войну.

Солдатские байки

О наших Вооруженных Силах в разные исторические периоды России были противоречивые мнения: от восхваления до проклятия. Но одно всегда оставалось неизменным – Российская армия непобедима. И еще те, кто служил, знают, что об армейских буднях вспоминается только хорошее или смешное. Ведь юмор очень здорово помогает солдату в его ратном труде. Есть такие воспоминания и у меня – дембеля 1972 года.

ЧЕЛОВЕК - ЛЕГЕНДА

Командир части подполковник Другов фронтовик - воевал с японцами. Считался человеком-легендой: был строг, но справедлив. К солдатам относился по отчески. Когда патруль арестовывал в самоволке его подчиненных, обязательно интересовался, в каком направлении шел солдат? Если в сторону расположения казармы, довольно улыбался:

– Молодец, домой шел, – и объявлял ему три наряда вне очереди.

Ну а в другом, то «губа» была обеспечена.

...Однажды рядовой Пермяков решил смотаться за спиртным в магазин. Бутылки спрятал в сумку от противогАЗа. По закону подлости на обратном пути навстречу ехал уазик с командиром части. Тот вышел, чтобы узнать, что делает воин у магазина с противогАЗом на плече. Действовать надо было неординарно и быстро, чтобы хоть как-то выкрутиться из создавшейся ситуации и отвлечь внимание командира от главного. Солдат упал на землю, схватился за живот и начал громко стонать и ойкаТЬ:

– Ой, ой, – офицер приблизился к лежащему. Рядовой растерялся и ничего не нашел луч-

шего, как запеть:

–«Ой, цветет калина в поле у ручья ...»

Уловка не спасла, водку отобрали. Вместе с тем, подполковник на утреннем разводе отметил находчивость Пермякова и даже не наказал его.

«МАША»

Начальник штаба майор Дубинкин был здоровенный детина с волосатыми кулаками величиной с футбольный мяч. На правом синела наколка в виде треугольника « привет тебе любимая» и внутри его – «Маша».

Он редко наказывал солдат по уставу. Просто вызывал провинившегося к себе в кабинет, подносил к лицу кулак и спрашивал:

–Хочешь познакомиться с Машей?

Воин тут же клялся не совершать больше проступков.

Бывало, начальник штаба применял кулак по прямому назначению. Тогда бедный боец с неделю поеживался от тумака. Но обиды на него никто не держал, так как считали майора человеком справедливым и незлопамятным.

ИВАН ЕПИФАНЫЧ

Командиром роты связи, где я числился, был Иван Епифанович Комиссаров. Уникальный в своем роде офицер. Семнадцатилетним мальчишкой ушел на фронт. Попал в морскую пехоту. Три года фронтовых дорог. Как рассказывал, остался жив, благодаря фронтовому правилу: при бомбежке прятать голову в окоп, при атаке бежать по кривой. Награжден боевыми орденами и медалями. Прошел путь от рядового до лейтенанта. После войны закончил офицерские курсы, дослужился до капитана и вскоре должен был уволиться из армии по возрасту.

Солдаты его уважали и прощали ему некоторые странности. Ну, например когда был зол на военнослужащего за проступок, хватался за кобурку, кричал:

—Порешу, ест твою мать!

Это выражение он не считал матерщиной. А когда был под «шефе» приходил в расположение части и строго спрашивал у дневального, чем занимается личный состав. Затем объявлял учебную тревогу и когда воины спешно строились, придирчиво рассматривал их прически. Объявлял, что они не по уставу и начинал всех стричь самолично

наголо. А уж если объявлял солдату наряд на работу, то тут же определял какого рода она:»Вычерпать туалет пилоткой и побелить до 14.00».Туалеты находились на свежем воздухе. Черпать, конечно, не черпали, но белили регулярно.

...Служил я на передвижной радиостанции, на базе автомашины ЗИЛ–157. Командиром отделения был сержант Вотюков, который через пару месяцев должен был уволиться в запас, поэтому, находясь на дежурстве, в основном, валялся на топчане и слушал «вражьи голоса» по радио.

Так вот, лежит он, значит, вдруг заходит Иван Епифаныч:

– Почему лежишь?

Вотюков в ответ:

– Товарищ капитан, вы дембель, я тоже, давайте отдыхать вместе.

От такого предложения офицер опешил:

– Да ты, ты...– он не находил слов, и вдруг посмотрел на пожарный щит, – А где топор?

– Так спер кто–то, – развел руками сержант.

– Ничего не знаю, прояви сообразительность, но чтобы к утру топор был на щите.

– Где я его возьму его? Если только у вас в сарае, – усмехнулся Вотюков.

– Попробуй, но поймаю на воровстве этим же

топором башку тебе отрублю, – взвился комроты.

Поздно вечером командир отделения приказал мне:

– Пошли к капитану в сарай (тот жил неподалеку в двухэтажном доме, в квартирах стояли водяные титаны, для которых мы частенько кололи дрова по просьбе его жены).

Короче, утащили мы топор, покрасили в пожарный красный цвет и повесили в машине на щит.

Утром Иван Епифаныч первым делом подошел к пожинвентарю, убедился в наличии предмета раздора и удовлетворенно сказал:

– Вот видишь, проявил находчивость, выполнил приказ...

Тут видимо вспомнил о вчерашней угрозе и рванул домой. В общем, капитан долго впоследствии искал с жердиной в руках сержанта в автопарке, чтобы рассчитаться за солдатскую смекалку.

ЗАМПОЛИТ-МАЙОР ТУМАРОВ

Майор Тумаров был по национальности татарин. Наверное, должность отложила отпечаток на его характер, он служил заместителем командира части по политическим вопросам и отвечал за так называемый моральный облик советских

солдат. Был по - восточному спокоен и меланхоличен. Однако если заводился, то это было нудно и долго. Причем, причиной его недовольства мог быть любой пустяк, на который обычный человек не обратил бы внимания.

На втором году службы я решил отпустить усы. Вернее, так себе, усики. Они, как мне казалось, придавали тот шик, который отличал молодого солдата от отслужившего больше года. Через несколько дней на верхней губе появилось нечто – подобие на будущие усы.

Сидим в курилке, коптим небо дешевыми сигаретами. К нам подсаживается замполит, щедро угощает своими папиросами, расспрашивает о житье – бытье, проблемах, службе, в общем, ведет вполне квалифицированный разговор по должности. Его раскосые глаза пытливо скользят от одного солдата к другому и вдруг останавливаются на моей физиономии.

– А ты, что это усы, что ли, отращиваешь, - не дожидаясь объяснений, продолжил:

– Ну, ты это, зря. Во – первых, я понимаю, если бы ты был грузин, у них это национальная гордость. Ты не грузин? Во – вторых, усы должны украшать лицо солдата, а у тебя что? Как у козлушки на одном месте. В – третьих, гигиена, где

она? Да ты..., ты на китайцев работаешь в идеологическом плане, – неожиданно закончил он, – Сбрей немедленно!

Я обалдело слушал его, соображая, как это я успел стать идеологическим союзником китайцев и недоумевал.

Однажды наблюдал картину, когда майор Тумаров перебирал в солдатском клубе томики марксизма–ленинизма, сваленные беспорядочно в угол «темнушки», видимо за невостребованностью, и сокрушался.

–Руки надо оборвать тому, кто это сделал! Да он на китайцев работает...

Когда ему сказали фамилию офицера, приказавшего сделать это, совсем взбеленился.

–Тем более, он видимо в друзьях у Линь Бяо (был в то время такой министр обороны КНР) числится.

Собрал книги в стопку, бережно стряхнул пыль и с озабоченным видом удалился. Причем тут китайский министр, в общем, то, было не понятно.

«ЛОБ» ФЕДОРОВИЧ

Командиром роты навигации был капитан Виктор Федорович Золотухин. Человек добрый, но недалекого ума. Он мог подойти к водителю, кото-

рый ремонтировал автомобиль и спросить:

– Почему охлаждающая жидкость течет в дырку радиатора?

Водила недоуменно хлопал глазами.

– А куда ей течь, только в отверстие.

– Отчего именно в это место?

– Так больше некуда. Вода течет туда, где есть отверстие, а дырка – это отверстие – закон физики.

– Не знаешь, значит, – замечал капитан и шел дальше.

Все солдаты знали о его необычных вопросах и поэтому за глаза звали его «Лоб Федорович», подчеркивая тем самым скромный интеллект капитана. Офицеры же не стеснялись и в глаза назвать этим прозвищем. Однако прославился комроты по настоящему после очередных учебных полетов.

Суть учений заключались в наведении самолетов–перехватчиков лоб в лоб. Причем, оно делается вслепую, посредством радиостанций, находящихся на командном пункте. Оперативный дежурный вывел самолеты на одну высоту. Мчатся друг к другу «сушки» и в этот момент пропадает радиосвязь. Что чувствовал в этот момент радист–оператор словами не передать. Как он рассказал впоследствии: открыл один из блоков в радиостан-

ции, залез в сплетение проводов и о чудо, связь восстановилась. Прошло всего несколько секунд, которые могли стать роковыми. К счастью, ничего плохого не произошло. Но ЧП зафиксировали все службы командного пункта.

Тут началось. В начале появился командир полка с оперативным дежурным, которым радист–оператор подробно объяснил ситуацию. Затем командир дивизиона – он тоже потребовал объяснений. «Лоб» Федорович прибыл последним, поинтересовался в чем дело? Радисту–оператору надоело уже до тошноты объяснять, и он ответил:

–Почему–почему, кабель пробило, который обеспечивал связь самолетов с радиостанцией!

–Я так и думал, – глубокомысленно заявил «Лоб» Федорович.

Вскоре его перевели начальником продовольственного склада.

«ДМИТРИЕВ НА ПРОВОДЕ»

Мы, салаги, призвавшись сразу в воинскую часть, целый месяц проходили курс молодого бойца, так называемый «карантин». Во время его сержанты и офицеры присматривались к нам, определяя, кто и в

качестве кого может пригодиться на службе. Однако, как правило, несколько человек не вписывались ни в один армейский профессиональный шаблон. То ли таланта и навыков у них не было, то ли хотели два года проболтаться между гребанных. Вот их то определяли на хозяйственные работы – копать канавы, разгружать вагоны, ходить в наряды и т. д. Таких мастеров на все руки называли рядовыми пылевзвода.

Иркутянин Сашка Дмитриев был одним из этих неумех. Куда бы его не посылали, всегда случались казусы и неприличные истории. Однажды после очередного прокола по службе командир роты Комиссаров обратился к нему сердешному:

–Слушай, Дмитриев, ты можешь хоть одни сутки побыть образцовым воином?

–Так точно!– радостно отозвался Сашка.

– Хорошо, тогда заступишь в наряд дневальным по роте. Если дежурство пройдет нормально, то есть, строго по уставу, получишь увольнение.

Надо сказать, что часть была расположена вблизи с китайской границей и увольнение в так называемый «шанхай», где проживало гражданское население, давали редко и неохотно.

Вечером Дмитриев приступил к выполнению

обязанностей дневального по тумбочке. Он старательно следил, как натирали полы мастикой в казарме, по уставу отвечал на телефонные звонки, четко докладывал командирам о состоянии дел в расположении роты. В общем, все шло нормально.

...До сдачи дежурства оставалось около часа. Санька с нетерпением ждал смену, уже предвкушая отдых, расслабился. Тут зазвонил телефон и неожиданно он для себя произнес в трубку:

—Дмитриев на проводе...

В ответ услышал голос капитана Комисарова:

—Слазь к чертовой матери с провода, два наряда за неуставной ответ!

ХВАЛЮ ЗА ЧЕСТНОСТЬ

В части было правило: если военнослужащего ловили на каком-то неблагоприятном проступке, например, выпивке спиртных напитков, то обязательно интересовались причиной побудившей это сделать. Реакция на это была предсказуема и стандартна; бросила девушка, дома неприятности, подруга вышла замуж, день рождения и т.д. Как правило, такие случаи в части проявлялись в дни получения денежного довольствия солдат, в преддверье каких-либо знаменательных дат или

когда солдатам приходили денежные переводы. Массового пьянства, конечно, не было, но каждый старался отметить событие спиртным – таков уж менталитет советского человека.

...Утро. Понедельник. Идет развод воинских подразделений. В конце, разбор инцидентов, связанных с распитием спиртных напитков. Происходило это следующим образом: вызывается солдат из строя на середину плаца и ему командир части задает риторический вопрос: что послужило поводом для пьянства? Ответы уже знакомы всем и набили оскомину. Однако в этот раз все пошло не по сценарию. Вызывается очередной провинившийся.

–Рядовой Силаев, вас что, девушка бросила? С горя выпили? – привычно спрашивает подполковник Другов.

–Никак нет, просто выпить захотелось, да и случай представился, перевод из дома пришел к празднику, – лихо отрапортовал рядовой.

Командир аж подпрыгнул от такой откровенности. Офицеры замерли в ожидании вердикта. Над строем солдат повисла гнетущая тишина.

–Рядового Силаева хвалю за честный ответ, а за проступок объявляю пять нарядов вне очереди. Остальным по семь суток гауптвахты, командиром рот и взводов делаю замечание за низкую

воспитательную работу среди личного состава, – голос подполковника звенит как металл.

–Разойдись!

СОЛДАТСКАЯ ЛЕГЕНДА

Всем известно, что солдатская смекалка всегда помогала в суровой воинской жизни. Будь то в службе, отдыхе или в других экстремальных условиях.

Сержант Вотюков обладал этим качеством в совершенстве. Он первый освоил отдых под днищем автомашины, имитируя ремонт двигателя или ходовой части. Делал это довольно просто и в тоже время оригинально: стелил под машину бушлат, ложился на него, привязывал руки к кардану и спокойно засыпал. Если кто - то тревожил, недовольно бурчал, что мешают заниматься ремонтом, тогда как командир роты требует, чтобы радиостанция была через пару часов готова к выезду. Вылазил перепачканный солидолом и грозился пожаловаться капитану. Когда его оставляли в покое, повторял свой трюк. Однажды его очередная находчивость стала в последствии легендой, передаваемой солдатами из призыва в призыв.

В предпраздничные дни офицерский со-

став круглосуточно бдил на предмет приобретения спиртных напитков рядовым и сержантским составом. Он выражался в повальном шмоне личных тумбочек, каптерок, всяких укромных уголков в казарме, столовой и т.д. Кроме того, по приказу командира части резко сокращалось число солдат празднично шатающихся по гарнизону. Военный патруль постоянно курсировал по «шанхаю» – району, где проживало гражданское население, потому что там была возможность приобретения самогона или браги. В общем, командование пыталось свести это пагубное деяние к минимуму.

...Вотюков все-таки умудрился приобрести пару бутылок водки. Однако, подходя к КПП, понял, что тайком пронести не удастся: тут дежурил не только командир роты, но и начальник штаба майор Дубинкин. Выход из создавшегося положения сержант нашел даже быстрее, чем у него созрел окончательно план. Он на ходу сорвал пробки с бутылок, обхватив за горлышко каждую пальцами, и бесстрашно двинулся к проходной.

Проходя мимо майора, сделал вид, что пытается отдать честь офицеру, но поскольку руки были заняты, повернул голову вправо, как положено в таких случаях, и строевым шагом прошел мимо.

–Что несешь? – строго спросил Дубинкин.

–Водку, товарищ майор, – бодро отрапортовал Вотюков, покрываясь липким потом.

–Ну–ну, пошути мне еще, что это?– майор показал на бутылки.

–Дисциплинированная вода для аккумуляторов, – сержант продолжал автоматически двигаться в сторону автопарка к радиостанции. Когда скрылся в кунге, обессилено опустился на топчан.

–Пронесло, – только и вымолвил.

А укромное место, куда была спрятана водка, у него было отменное. Тайник никто не мог обнаружить.

ЕФРЕЙТОР ХАНИН

Уникальной личностью в нашей роте, а может быть и во всей воинской части, был ефрейтор Арон Меерович Ханин – еврей из Самары. Попал он в армию по его словам, случайно: окончив техникум, поступал в институт – провалил экзамены и загремел на два года служить в далеком Забайкалье. На малой родине осталась типичная еврейская семья: мама и папа – инженеры на авиационном заводе, младший брат, тети, дяди – все как у людей.

Служил как все. Вот только национальная сущность так и перла из Арона, что не вязалось с армейской действительностью и отношениями между солдатами. Мы, армия рабочих и крестьян, общались с пролетарской простотой, без лишних сантиментов, чего никак не мог понять Ханин. Например, подходит он к группе ребят и так культурненько просит у сослуживца:

–Дайте, пожалуйста, мне сигарету, курить очень хочется, – причем слова грассируют и создают комическую ситуацию.

–Слушай, Арон, ты можешь попросить по-простому, типа «Колька, дай закурить»?

Ханин соглашается, бодро толкает кулаком Кольку в бок.

–Ну, ты, дай, пожалуйста, закурить, – его выходка и произнесенная фраза вызывает хохот.

Однако, парнем он был добрым, контактным, быстро учившийся солдатским наукам. Не раз выручал сослуживцев в сложных ситуациях, когда надо было подтвердить порядочное поведение того или иного солдата. Начальство почему-то думало, что ефрейтор Ханин, в силу своей интеллигентности, национальности и воспитанности не может говорить неправду. Арон потом оправдывался:

—Я ведь не вру, сам в тот момент верю, что говорю правду, хотя это не так, вот и доверяют.

Он не мог подтянуться, выполнить подъем переворотом на турнике, пробежать кросс три километра. Зато был незаменим в разрешении конфликтов между солдатами, умел выслушивать и давать дельные советы противоположным сторонам, договариваться с начальством и находить с ними общий язык. В общем, владел всеми теми навыками, которыми умел владеть нормальный еврей в жизни.

Вместе с тем, служба в коллективе среди воинского братства, хотел он этого или нет, все конкретнее въедалась в его образ жизни. Арон научился по необходимости пить спирт, материться, если надо, драться. Стал самостоятельным, немного хитроватым, воспринимающим действительность такой, какая она есть — чернобелосерой со всевозможными оттенками.

Через год службы, а работал он на телеграфе оператором, ему присвоили звание ефрейтора. Вскоре объявили краткосрочный отпуск на родину. Радости не было предела. С учетом дороги Ханнин должен вернуться через 21 сутки. Мы, коллеги по службе, ждали его с нетерпением, поскольку каждый отпускник обязан был привезти подарки:

чего—нибудь домашнего, вкусенького.

Ефрейтор вернулся на трое суток раньше срока. Что случилось? Почему раньше? Но Арон загадочно молчал и лишь вечером после отбоя рассказал о своей поездке домой.

—Ну, приехал, радости полон дом. Пришли все родственники, папа надел по случаю костюм, младший брат бегал по квартире, показывая всем мой парадный мундир со значками. Накрыли стол, вкуснотищи немерено. Только смотрю, мама рюмки ставит 25—граммовые, маленький графинчик с водкой и бутылку вина. А выпить хочется до чертиков. Я на кухню. Там домработница Катя хлопочет. Спрашиваю, где водка? Она глаза округлила, однако подала бутылку. Быстренько наливаю стакан, прикладываюсь. В этот момент заходит мама, увидела меня за непотребным занятием, бах в обморок, следом папа за сердце схватился. И началось: как это я дошел до такой жизни, надо немедленно лечить от алкоголизма, меня, мол, зомбировали. В общем, я быстренько собрался и подался к своей девушке, с которой дружил до армии. Причем отправился без предупреждения. Прихожу. У нее сидит такой хлипенький еврейчик в очках и белых носках, помогает ей изучать английский язык. Меня особенно носки возмутили. Мы тут в портянках, а

он белые носки напялил. Взял его за воротник пиджачка и выставил на лестничную площадку. Вот так начался мой отпуск. Я не узнавал прежнюю жизнь, родственники не могли понять меня. Чтобы не доводить все до скандала, собрался и уехал в часть раньше, прихватив, однако несколько жареных курочек и кучу домашних пирожков, которые очень вкусно готовит мама.

Особый восторг у нас вызвала бутылка марочного коньяка, которую Арон провез в рукаве шинели.

На дембель мы с Ханиным уезжали вместе. Он заехал ко мне на Урал, погостил дня три. Я провожал его домой с мыслью, что вскоре встретимся. Однако жизнь сложилась по-другому. Нашли мы друг друга через 37 лет с помощью мировой паутины на сайте «Одноклассники». Он живет в Израиле, я в России.

ВРАЧИ ТОЖЕ ЛЮДИ

Младший сержант Серега Верещагин в роте связи был телефонистом. Нет, не тем, что сидел за коммутатором и соединял абонентов, а тем, кто обслуживал телефонные линии: восстанавливал порванные провода, сломанные или вышедшие из

строю столбы, ремонтировал телефоны в квартирах и т.д. Все это давало ему право гулять по гарнизону где угодно и когда угодно, что позволяло считать службу в армии чуть ли не работой на гражданке. Знакомств у Сереги было много, что среди офицеров, их жен и прочих гражданских лиц. Частенько он мог придти в распоряжение части «под шефе», а иногда и «на ушах» – угощали ведь по-русски от души за восстановленную телефонную связь.

Везло Сереге – он ни разу не попался начальству на глаза в непотребном виде, поскольку приходил тогда, когда, как правило, в распоряжении части офицеров уже не было. Но однажды, видимо, поверив в свою неуязвимость, приперся днем, в разгар рабочего дня. С виду младший сержант был здоровый детина, под два метра ростом, поэтому сходу определить выпивший он или нет, было трудно. Но, тут видимо перебрав, стало плохо и выпитое и съеденное на халяву полезло наружу. «Ароматный» запах привлек не только гарнизонных собак, но и проходящего мимо дежурного по части старшего лейтенанта Курского. Увидев солдата, блевавшего на угол казармы, унюхав знакомый запах (офицер сам частенько грешил выпивкой) поинтересовался, где это тот так нажрался.

–Кто? Я? – Верещагин вытер лицо рукавом,

– Никогда. Это я рыбными консервами отравился в обед. Видимо были несвежие.

Дежурный по части обалдел от такой наглости, хотя мелькнула мысль, что действительно в обед кормили окунем–терпугом в томатном соусе. Да и рвало сержанта именно этими же отходами. Но сивуха... ее запах он не мог ни с чем спутать. Может быть, он и простил бы сержанта, если бы тот честно все рассказал или, по крайней мере, повел себя не столь нагло.

–Ты что мне заливаешь! – взвился старший лейтенант. – Я что не вижу ,в каком ты виде, еле на ногах стоишь!

–Нет,– уперся телефонист, – отравился.

Вокруг уже собрались любопытные. Отступить ни тому, ни другому было некуда.

–Хорошо,– Курский сделал паузу, – пойдешь в медсанбат и принесешь справку, что ты трезв.

Сергея не возражал и отправился туда, куда его направили. Через некоторое время вернулся и торжественно вручил офицеру бумажку, где черным по белому было написано, что алкоголя в крови не обнаружено.

Старлей не верил своим глазам.

–Не может быть. Где взял справку? Небось, спер ее в санбате. Пойдем снова туда.

Их встретила миловидная женщина, представившая дежурным врачом.

— Да, действительно, младший сержант отравился рыбными консервами. Ему сделано промывание желудка. Сейчас ничего не угрожает, но дежурному по части надо внимательно следить, какими продуктами кормят солдат, — свою речь лейтенант медицинской службы сопровождала укоризненным взглядом и категоричностью. — Я доложу об инциденте вашему командиру части, — добила она Курского.

Сергея, же сделав страдальческое лицо, отправился спать т.к. ему прописали постельный режим.

На протяжении всей последующей службы старшего лейтенанта подкалывали, как это он опростоволосился: отравившегося консервами не отличил от пьяного вдрызг сержанта. Поэтому тот периодически приставал к Верещагину.

— Ну, сознайся, ведь ты был пьяный? Я не мог ошибиться. Сивухой перло со всех дыр!

Но последний был непоколебим. Отравился и точка. Так продолжалось до дембеля младшего сержанта. Провожая нас на железнодорожный вокзал (а мы уезжали первой партией) Курский взмолился:

— Сергей, сознайся, ведь ты был пьяный?

Чего уж там, ты же домой едешь, тебе уже все равно, а я с ума тронусь.

—Эх, лейтенант, — Верещагин панибратски хлопал его по плечу, — ведь врачи тоже люди, им ласка нужна, а если это женщина то и мужик иногда.

С этими словами полез в машину, отвозившую нас далеко от места, где провели два незабываемых года. А лейтенант медицинской службы, как признался нам Серега уже в поезде, была его подругой, мечтавшей выйти за него замуж и уехать из этого забытого богом места.

«ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ»

Этот военный марш всегда появлялся и звучивался в самые ответственные и переломные моменты в моей жизни.

... 3 мая 1970 года. Нас двенадцать человек, стоим на железнодорожном вокзале с группой таких же, как я молодых ребят и ждем отправки состава, который увезет нас в новую жизнь под названием служба в Советской Армии. Стоим возбужденные и взволнованные в окружении родственников и знакомых. Пьяные улыбки друзей, советы, которые никто не слушает, шум, гам. Команда:

– Всем в вагон!

Заходим. Поезд трогается и вдруг на перроне раздается музыка. Играл марш «Прощание славянки». Лица моих товарищей стали какие-то беспомощные, глаза налились влагой. Все затихли, глядя в окна. Неожиданно из толпы провожающих выскочила молодая девушка и истошно крича « Я буду ждать тебя» побежала вслед за вагоном. Поезд набирал ход, и как только стало не видно перрона, умолкла музыка. Все засуетились, заговорили, но еще долго в вагоне была какая-то неловкость. Так наступил новый этап в моей жизни.

... Забайкалье. 9 мая 1970 год. Наш воинский эшелон прибыл в старинный город Читу. Сопровождающий нашу группу призывников сержант Зайцев построил в нечто подобие строя и объявил:

–Ребята, у вас осталось 15 часов гражданской жизни. Советую их провести с толком, чувством, чтобы потом вспоминали все два года службы хорошим словом. Только не наглейте и не хулиганьте, меня подставите.

Подставить сержанта Зайцева ставшим нам за семь суток езды в воинском эшелоне роднее брата, мы не могли. Поэтому, сбросившись в общий котел, у кого, сколько было дензнаков, и, закупив необходимое количество спиртного и закуски, мы

уединились в скверике недалеко от вокзала. Гуляли с размахом, но относительно тихо. Песни типа «Я тебя не виню, нелегко ждать два года солдата» исполняли вполголоса, выяснений отношений как – то «ты меня уважаешь» не было. Поэтому к отправке поезда следовавшего до станции назначения мы были адекватны и в меру серьезны.

В конечный пункт прибыли в три часа ночи. Темень хоть глаз выколи. И много, много огней. Казалось, мы попали в какой-то большой город с миллионным населением. Долго шли по дороге. Наконец-то казарма. Встретил нас дежурный по роте, который отвел нас спать в какое-то помещение.

Утром вывели на плац. Вокруг бескрайняя забайкальская степь, совершенно чужая и казалось опасная.

–А где же город с огнями? – мелькнула мысль. Ее тут же перебила другая, – Ну побаловались, пора и честь знать, вернее пора домой дергать, нечего тут делать.

Огляделся. Батюшки, это куда же меня черт забросил. Вот тогда то стал понимать, что это серьезно и надолго.

Прошел месяц службы в армии. Закончился курс молодого бойца. Стоим шеренгой, принимаем воинскую присягу. Все предельно серьезны и

торжественны. За столом руководство воинской части. Рядом знамя части, с почетным караулом. Лица солдат непроницаемы и значимы. Один за другим подходим строевым шагом к столу и произносим воинскую клятву на верность Родине, своему народу.

—Торжественно клянусь!

По телу пробегает еле заметная дрожь. Последний, уже настоящий солдат, возвращается в строй. И вдруг репродуктор взрывается «Прощанием славянки». Марш звучит по всему гарнизону и, кажется, заканчивается где-то далеко в степи среди моря цветов, которыми богата ранним летом забайкальская степь. Мы взволнованы. Команда «Разойдись».

... 11 мая 1972 года. Позади два года службы на благо нашей Отчизны.хлопоты с обходным листом, получение денежного довольствия на дорогу домой, оформление дембельского чемоданчика (особый разговор), который готовился последние три месяца.

Прощальное торжественное построение. Речь командира о том, какие мы хорошие солдаты, что на нас держатся все Вооруженные Силы страны, что служба пригодится на гражданке, вручение проездных документов. Объявляется посад-

ка в автобус и вновь неожиданно оживает марш «Прощание славянки». Дрогнули губы дембелей, опять повлажнели глаза. Объятыя с сослуживцами, обещание писать. Дорожная пыль за автобусом и где-то там за ней звучит торжественная музыка, которой уже около двухсот лет. Столько она встречает и провожает солдат, сопровождает их в походах, на войне, отдыхе. «Прощание славянки» это наша Россия, родина, мой кусочек сердца.

Сейчас, когда слышу эту музыку, у меня всегда хорошее торжественно патриотическое настроение. В такой момент мне кажется, что я всех люблю, и все любят меня.

РОЗЫГРЫШ

Жизнь солдата распланирована различными уставами и внутренними распорядками. Но наш советский воин не был бы им, если бы и тут не находил место шуткам, приколам, приключениям. Были они и у нас в части. То молодого воина посылали с истребителя-перехватчика пыль убирать с шасси, чтобы тормозили лучше, то искать убежавшую искру из аккумулятора, а то и залезть на крышу казармы и посмотреть, откуда придет «дембель».

Но особой любовью пользовались прико-

лы ночью. Стоишь у тумбочки дневальным. Спать хочется, скучно. А на «ближних и дальних приводах» безмятежно отдыхают твои товарищи после ратных трудов. Звонишь на «точку». Трубку берет такой же дневальный, как и ты. Строго спрашиваешь, что делает рядовой Иванов? Конечно, спит. Разбудить и пригласить к телефону! Через несколько минут подходит полусонный Иванов берет трубку. Ты строго так спрашиваешь:

–Спишь?

–Сплю, а в чем дело?

–Просыпайся и иди в туалет, справишь нужду, помой ноги, продолжай отдыхать.

В ответ слышишь: - Мать, мать, мать...

Смеешься, смотришь на часы. Ура, скоро будет смена. Усталый, но довольный идешь спать. Уже засыпая, невольно думаешь, а ведь тебя тоже могут так же разыграть...

НАРУШИТЕЛЬ ГРАНИЦЫ

Место моей службы – стык границ России, Монголии и Китая. До братской Монголии 30 км, до враждебного в то время Китая 40 км. Еще свежи в памяти кровавые события о вторжении китайцев на нашу территорию – остров Даманский. Еще висят в казармах плакаты, на которых сфотографи-

рованы наши убитые солдаты с вырезанными на груди звездами, выколотыми глазами, еще идут разговоры о вероломстве узкоглазых, их садизме. О том, как вышибли их на свою территорию, о погибших товарищах.

Но вот однажды по гарнизону разнесся слух, что пойман перебежчик–нарушитель границы, враг. Через некоторое время его отправили в контрразведку, а нам солдатам остался рассказ, о том как это произошло.

...Почему он перешел границу история умалчивает, но первыми его обнаружил наряд по кухне в одной из столовой воинской части. Мужик пытался ночью украсть хлеб. За что был задержан и сильно поколочен. Его приняли за пьяного бурята: их периодически задерживались патрулями за проникновение на территорию воинской части. Но битье по морде результатов не дало. Тогда воины пригрозили сдать его в комендатуру. В ответ услышали речь, непохожую на бурятскую. Заподозрили, что это монгол – одет в фуфайку, сапоги, шапка неопределенного образца. Позвонили в комендатуру, объяснили ситуацию. Оттуда прислали конвой, срочно прибыли из особого отдела, командир со свитой. Тогда то солдаты поняли, что это китаец. Нарушителя границы увезли в штаб дивизии, а ребята из наряда по кухне, еще долго рас-

сказывали сослуживцам, как они скрутили диверсанта, проявив при этом массовый героизм.

ЧТОБЫ НЕПОВАДНО БЫЛО

Незабвенный рядовой Дмитриев был пойман с тремя бутылками водки, прямо на КПП части. И поймал его никто иной, как капитан Золотухин, знакомый читателю под кличкой «Лоб» Федорович. То ли Санька был самонадеянный, то ли капитан был бдительный, но факт остается фактом: водка была изъята, предъявлена общественности в лице солдат и сержантов в данный момент находящихся рядом. А так как капитан любил проявить себя перед народом, то и тут решил провести показательное зрелище.

—Значит так, Дмитриев, бери спиртное и пошли, будем физкультурой заниматься. Да так, чтобы неповадно было водкой увлекаться.

Ничего не понимающий неудачный выпивоха, собрав бутылки в охапку, поплелся за офицером на спортплощадку, состоящую из турника, брусьев, каната и щитов с кольцами для баскетбола. Капитан отмерил 10 шагов и приказал Дмитриеву:

—Бери бутылку с водкой и бросай ее в щит, да так, чтобы она разбилась. —Смотри, — и он с

размаху запустил одну из них в щит. Осколки стекла и запах спиртного тут же распространился в округе.

– Давай, теперь ты, – Лоб Федорович самодовольно хмыкнул, – не стесняйся.

Санька взял бутылку, размахнулся и бросил ее в щит. Та не долетев до цели, упала на землю, но не разбилась.

– Ты чего, сил что ли нет или водку жалко?

– Конечно, жалко, – Дмитриев исподлобья взглянул на Золотухина.

– Подбери и кидай снова.

Солдат поплелся за бутылкой. Вдруг схватил ее в руки, резко сорвал пробку и стал большими глотками поглощать содержимое. «Лоб» Федорович оторопело смотрел на Саньку опустошавшего бутылку. Пока соображал, Дмитриев допил водку и под хохот собравшихся подбежал к третьей бутылке, взял и метнул ее в щит. Та разлетелась вдребезги.

– Это чтобы вам не досталось, – пьяно захохотал он.

Семь суток гауптвахты от имени командира части рядовой отсидел полностью. Работал на строительстве капониров. А над капитаном все посмеивались – опять Лоб Федорович отличился.

«Чтобы неповадно было» передразнивали

его сослуживцы. Солдаты же одобряли поступок Дмитриева: зачем национальный русский напиток уничтожать таким варварским способом.

БЕЛЬЕВЫЕ ВШИ

Вы видели бельевых вшей? Я с ними познакомился на первом году службы. То ли от элементарного не соблюдения личной гигиены, то ли потому, что нижнее белье было некачественно простирано, то ли еще по какой причине, но все мы (около 30 человек), жившие на КП авиационного полка в небольшом помещении, стали находить в швах кальсонов и нижних рубашках этих насекомых. Причем с каждым днем их становилось все больше. Чесались все. Вскоре стало невмоготу. Решили с ними бороться. Но как? Кто-то предложил провести ревизию одежды. Поочередно раздевались догола, внимательно осматривая кальсоны, трусы, майки. В швах находили невероятное количество этих тварей. Вначале уничтожали их физически: брали спичку, проводили по шву майки – вырастала кучка. Но гнид уничтожать было сложнее. Тогда кто-то предложил замачивать все белье в авиационном керосине для дезинфекции (благо у нас, его было несколько бочек). Сказано – сделано. Сложили

в бочки и залили керосином. Сами же срочно пошли в баню – она сделана на деревенский лад, была гордостью нашего полка.

В помывочной кто-то обнаружил вшу на себе в промежности. Тут же возникла идея смазать все интимные места где есть волосатость керосином.

Та часть солдат, у кого обнаружили на теле паразиты, согласились. Керосина не жалели. Через несколько часов появились первые признаки лечения. Смазанные части тела покраснели, с них кожа слезила кусками. Затем появились опухоли. Тут-то мы перепугались. Позвонили в санчасть, там работал наш однопризывник санитаром, рассказали все. Он вначале хохотал долго, затем серьезно заметил, что если бы обратились чуть позже – быть беде. Какой? Он не уточнил, но и так было ясно. Земляк срочно привез какую-то мазь и велел мазаться ей утром, в обед и перед сном.

В общем, все обошлось: вши исчезли. Позже вспоминали с юмором о том, кто и как реагировал на эту напасть. Кстати, размером они в три-четыре раза больше обычных.

СТРАШНОЕ НАКАЗАНИЕ

Перед моим дембелем в часть привезли молодых солдат из Якутии. Ребята все хорошо говорили по – русски, имели русские фамилии. Среди них выделялся рядовой Михайлов, коренастый, с типично раскосыми глазами и вечно улыбающийся. Он был сыном председателя оленеводческого совхоза, уважаемого в своих местах человека. Мог бы закосить от службы, но как рассказывал сам солдат, пошел служить сознательно и с удовольствием.

–Отец хотел женить, давал родственникам будущей жены 500 оленей (своих или совхозных, не уточнил). Вот я и попросился в армию.

Михайлов всегда улыбался и ко всему относился легко и с юмором. Однажды у него загноился указательный палец. Послали в санчасть, но он, проигнорировав, прокомментировал:

–Хуйна, пройдет...

Опухоль все не проходила, а когда стало терпеть невмоготу, все – таки отправился в санчасть. Там палец ампутировали. Спустя время, колупая обрубком фаланги в носу, Михайлов философски заметил:

–Мне и остальных пальцев хватает, а этот

хуйна, обойдемся без него.

Правда, был у рядового один бзик. Не любил умыться, тем более ходить в баню. Готов по три раза на день перешивать подворотнички, но помыть с мылом шею для него было слишком. За это его регулярно наказывали, но ничего поделать не могли. Однажды Михайлов провинился очередной раз по службе, и старшина роты придумал ему страшное наказание:

–Пойдешь со мной в баню.

Как ни уговаривал якут старшину отказаться от задуманного, ничего не вышло. В баню шел как на эшафот. Пока сержант раздевался в предбаннике, он быстро заскочил в мойку, окатился холодной водой из ковшика, метнулся обратно. Старшина роты обалдел:

–Ты что, уже помылся?

–Так точно!

–Нет, так дело не пойдет, – уперся тот и потащил солдата в парилку. Буквально через минуту Михайлов потерял сознание. Вот тут до сержанта дошло, что он сделал что-то не так. Вытащил на воздух, сунул под нос нашатырный спирт. Якут медленно приходил в себя. Его трясло и тошнило. Старшина, приказав ему строго настрого забыть об инциденте, освободил его от нарядов

на целую неделю.

Позже узнали, что баня для потомственного якута не приемлема. Образ жизни другой.

СЛУЖУ РАДИСТОМ В АВИАЦИИ

В наряд на кухню мы ходили, переодевшись в старое обмундирование, которое валялось в «темнушке» столовой. Оно состояло из рваных гимнастерок, галифе, непонятного цвета фартуков, которые никто и никогда не стирал. Причем гимнастерки были или без погон или с одним погоном, или разного цвета. Такая гимнастерка и досталась рядовому Кайдалову: один погон был черный, относящийся к радиолокационным войскам, другой – голубой, который носили военные авиаторы.

...Бегает он по кухне, выполняя служебные обязанности, вдруг натывается на комиссию, которая регулярно проверяла соблюдение санитарных норм при приготовлении пищи. Старший комиссии – майор, остановил солдата, и, показывая на погоны, спросил:

–Ты, в каких войсках служишь, воин?

Кайдалов не растерялся:

–Радистом в авиации – и, для убедительно-

сти, похлопал ладонью сначала по черному, затем по голубому погону.

–Хвалю за находчивость, – захохотал майор.

А то, что обмундирование залоснилось от грязи, не заметил. Вот такая была комиссия.

ДЕМБЕЛЬСКАЯ ЭКСПРОПРИАЦИЯ

Рота охраны полка, как правило, комплектовалась из республик Средней Азии: туркменов, таджиков, узбеков и т.д. Прибывали они в часть, в традиционных национальных одеждах: ватных халатах, тубетейках. Им, конечно, предлагали после переодевания в солдатскую форму отсылать гражданскую одежду домой, но соглашались на это редко – хлопотно было.

Очередной призыв туркменов в наш полк состоялся весной. Человек сорок молодых солдат в халатах толпились у входа в баню, где им объяснили (а понимали они по – русски с трудом) что после помывки гражданскую одежду надо сложить в одном углу, переодеться в солдатскую в другом , помывшись в третьем месте. Повели в мойку, затем переодели...

И тут молодые туркмены громко заговорили

на своем языке, размахивая руками. По интонации было ясно, что они чем-то возмущены. Сержант, ничего не понимая, беспомощно разводил руками. Повели молодых в казарму, вызвали офицера. По мере того, как капитан вникал в суть проблемы, его глаза округлялись, пока не стали по диаметру с советский рубль. Оказывается еще на призывном пункте будущим солдатам из Туркмении кто-то по секрету сообщил, что если предложить командиру части, где они будут служить по 3 тысячи рублей (стоимость «Запорожца»), то последний их отпустит домой, вернув военные билеты со всеми отметками о прохождении военной службы. Они воспользовались этим советом, прихватив с собой необходимые суммы предварительно зашив деньги в ватные халаты.

Как об этом узнали дембеля одному богу известно. Но узнали и провели экспроприацию, пока туркмены были в мойке. Об этом, конечно, официально никто не говорил, но знал весь полк. Назревало ЧП. Однако наши командиры вышли из щекотливой ситуации с блеском: когда им стали жаловаться о пропаже денег, поинтересовались суммами. Услышав о трех тысячах рублей зашитых в одном только халате, замахали руками: опомнитесь, это ведь почти годовая зарплата офицера. Откуда у бедного туркмена такие деньги? В общем,

сочли, что солдаты просто врут.

По слухам, перед отправкой домой, отслуживших свой срок, дембелей шмонали жестко по всем правилам, но ничего не нашли.

«БОЙ... В ЛЮБУЮ МИНУТУ»

Солдаты Советской Армии семидесятых «кастово» делились по отслужившим полугодиям (срок службы был два года). Только что призывавшиеся назывались «зеленью». Отслужившие полгода – «салагами». Год – «котлами» или «черпаками». Полтора – «дедушками». Наконец те, кто дождались приказа об увольнении в запас – «дембелями».

Так вот, письма, которые писала «зелень» на гражданку, регулярно прочитывались специальными людьми, и если в них находили какую-нибудь крамолу, докладывали либо командиру части, либо начальнику штаба, замполиту.

Командир части подполковник Другов имел привычку самые интересные опусы солдат зачитывать перед строем вслух. На очередном построении подполковник вызвал такого молодого солдата из строя и спросил:

– Ну что, сынок, китайцы не донимают? – и

зачитал отрывок из его письма матери.

«Дорогая мама, служу на китайской границе. Китайцы рядом через реку. Спим одетые, автоматы кладем под голову с полным боекомплектом. В бой можем пойти в любую минуту...»

Вся часть гомерически хохотала, виновник письма не знал, куда деть глаза от стыда и позора.

А китайская граница действительно была рядом – в 40 километрах, где совсем недавно прошли вооруженные столкновения на острове Даманский, где погибли наши ребята. Вот только на вооружении нашего полка были карабины СКС, с ними и ходили в караул. Автоматов в глаза не видели.

ДЕФИЦИТНЫЙ КАРБЮРАТОР

Ефрейтор Яковлев служил в автопарке – возил на автомашине замполита. Служба не пыльная, даже престижная, ни тебе подъема, ни отбоя, ни нарядов. В общем, почти гражданка. Все было бы хорошо, но вот поехать в отпуск на малую родину все как-то не получалось. И не потому, что ефрейтор был плохим солдатом или службу нес небрежно. Просто, как говорил майор, время еще не

пришло.

Готовя автомашину в очередную поездку, Яковлев пожаловался сослуживцу по автопарку на свою проблему.

Тот посоветовал:

- А ты сломай машину и отремонтируй ее подольше. Майору надоест ходить пешком, вот тут заключи с ним уговор. Ты находишь нужную деталь, а он отпускает тебя в отпуск.

Тут как нарочно сломался карбюратор – запчасть, считавшаяся дефицитом. Машина простаивала уже неделю. Всё это время майор искал злополучную деталь, но тщетно. Наконец, не выдержал и в сердцах сказал:

–Ну что Яковлев, может ты достанешь карбюратор? Найдешь – поедешь в отпуск!

Ефрейтор тут же помчался в гараж.

–Ребята, выручайте, – взмолился он.

Однако лишнего ни у кого не было. И тут солдата осенило.

–Слушай, – обратился он к коллеге, который возил командира части, –одолжи карбюратор, съезжу в отпуск, верну. Твоему шефу надоест пешком ходить, а тут ты запчасть находишь.Он на радостях тебя тоже в отпуск отпустит.

В общем, так все и случилось. Карбюратор

перекочевывал из машины в машину: шофера регулярно отправлялись в отпуск. Лафа кончилась, когда офицеры поделились друг с другом тем, что в машинах стали барахлить карбюраторы. Уловка была раскрыта, но наказание никто не понес. Все-таки служили они хорошо и добросовестно.

САМОВОЛКА

Самоволки в нашей части не практиковались. Нет, конечно, то один, то другой солдат бегали в «шанхай», район, где жили гражданские, за самогоном или к девчатам, но это скорее было исключение, чем правило.

Однако мысль о самоволке будоражила солдат. Каждый мечтал хоть раз сходить в самоход. Такой случай выпал и мне на первом году службы.

Дело в том, что летом в казарме производили косметический ремонт помещений. На это время (5–6 дней) кровати выносили на спортплощадку и там солдаты спали. Как-то после отбоя, лежа в кровати, сержант Вотяков, зная, что я недавно получил перевод, предложил сходить в «шанхай» за самогоном.

Надо отметить, что ночи в Забайкалье очень темные – в метре лица не видно. Причем темнело

моментаально. В общем, тихонько выбрались через заборчик (благо не было дневального по части, который должен караулить наш сон у тумбочки) и подались в поселок. Но как-то не сложилось: самогонки не достали, пришлось возвращаться с пустыми руками. Подошли к заборчику и перед тем как лечь спать, решили справить малую нужду. Пристроились, справляем свое дело и тут замечаю, что рядом стоит третий и делает то же самое. Пригляделся и обалдел – дежурный по роте лейтенант Жолобов. Быстренько перемахнув через препятствие, раздеваюсь на ходу и ныряю в кровать. Через какое-то время подходит лейтенант, трясет за плечо:

–Ты сейчас у забора был?

–У какого забора?

–Да как же, рядом же оправлялись...

–Причудилось вам, товарищ лейтенант, – чуть не давлюсь от смеха, – как могу быть там, когда я здесь.

Чувствуя, что происходит нечто непонятное, лейтенант медленно пошел прочь, видимо думая, что у него начались глюки.

ПОСЛЕДНИЙ «АККОРД»

Рядовой Дмитриев, прослужив два года, принося периодически своим командирам всякие неприятности, должен был уволен в запас. Одну такую преподнес он и напоследок. Дело в том, что была традиция: дембеля перед увольнением брались выполнить какую-нибудь хозяйственную работу. Причем дата увольнения напрямую зависела от темпов произведенной работы. А поскольку Саньке увольнение в запас маячило в самую последнюю очередь, то он готов был взяться за любое дело. Вскоре случай представился. Начальник штаба объявил что, если кто возьмется за строительство нового здания КПП в автопарке и построит коробку здания, тут же отправится домой. Беда лишь в том, что пиломатериалов для строительства было недостаточно.

Однако Дмитриева это не смутило. Он сколотил бригаду, которая тут же приступила к делу: залили фундамент (благо цемента и песка было много). Затем выпросили бортовую машину у зампотеха и подались в забайкальскую степь в неизвестном направлении. Наутро вернулись груженые досками и бревнами. Когда их спросили: откуда «дровишки»? Туманно ответили, что обнаружили в степи

бесхозное строение, разобрали его и привезли. Командиры, конечно, удивились, но не стали вдаваться в подробности – главное есть из чего строить. Бригада ударно трудилась пару дней, пока не вывела коробку под крышу. Все уже мысленно были дома: последний «аккорд» подходил к концу.

Начштаба сдержал слово – на следующий день все уехали на гражданку. А еще через день у него в кабинете объявились буряты–чабаны, которые с возмущением рассказали о том, что совсем недавно какие–то нехорошие люди разобрали их кошару на дальнем пастбище и увезли в неизвестном направлении. Люди видели, что это были солдаты. Какие контраргументы приводил начальник штаба неизвестно: то ли намекнул, что воинских частей в гарнизоне много, то ли пообещал чабанам что–то взамен, но те тихо уехали.

КПП вскоре достроили, но рядового Дмитриева вспоминали долго, особенно, начштаба.

ЛАПШИ НЕ ХВАТИЛО

Очередной призыв в нашу часть прибыл из Саранска. Это были деревенские, простоватые ребята, многие из которых впервые покинули отчий дом. Среди них

неожиданной худобой выделялся рядовой Иванов, который постоянно, что - то жевал. Когда его спрашивали, в чем дело? Смущаясь, говорил, что постоянно хочет кушать. Из - за этого над ним регулярно подшучивали.

...Обеденные столы в солдатской столовой накрывались на десять человек. В этот день в меню были щи и макароны по-флотски. По сложившейся традиции, как обычно, вначале себе накладывали дембеля, затем те, кто прослужил более года, в последнюю очередь – молодежь последнего призыва. Нет, конечно, никто не объедал салаг, всем доставалось поровну, но субординацию соблюдали неукоснительно.

Обедаем. Я – старший стола, отвечающий за порядок при приеме пищи. Вдруг подходит замполит, интересуется, вкусна ли пища, всем ли хватает порций? Все утвердительно кивают головами. И как гром среди ясного дня рядовой Иванов заявляет:

– А мне лапши мало досталось.

Майор вне себя от возмущения: как это получилось, что молодой солдат остался голодный! Почему не хватило второго и т. д. Я пулей лечу к окну выдачи пищи, хватаю еще одну кастрюлю с макаронами и под бдительным оком офицера накладываю полную тарелку Иванову. В это время

Тумаров произносит речь о том, что старослужащий должен сам голодать, а молодого накормить досыта. Затем приглашает меня вечером к себе в кабинет для продолжения беседы. Когда он ушел, я злой как собака, посоветовал жалобщику сейчас же съесть все что было в кастрюле (а там 10 порций). Каково же было изумление, когда через полчаса емкость опустела.

—Ты что, действительно такой голодный?

Солдат виновато опустил голову. Пришлось отпустить его, безнадежно махнув рукой.

...На вечерней поверке старшина роты, которому я рассказал об инциденте в столовой, заставил нашего героя вывернуть карманы: из них посыпались куски хлеба.

Курсантские рассказы

Мой старший брат Владимир окончил Львовское Высшее военное политическое училище. Пять лет курсантской жизни изобиловали различными интересными историями. Некоторые он любезно предоставил на суд читателей.

БЕНГАЛЬСКИЕ ОГНИ

Уже точно и не припомню, кто явился инициатором покупки бенгальских огней к Новому году. По-моему, Витька Литовкин – наш эстет и моряк дальнего плавания. (До службы в армии ходил в загранку матросом на торговом судне).

– Застолье в Новый год без бенгальских огней – обыкновенный ужин, – убеждал он нас. – У всех народов мира присутствует этот атрибут. За границей наблюдал.

В правдивости слов товарища никто не сомневался. Ведь даже Останкинские новогодние голубые огоньки не обходились без этого искрящегося фейерверка.

Сказано – сделано. Вместе с елочными игрушками мы купили коробку бенгальских огней. Выходило по несколько стержней на каждого человека.

Как положено, 31 декабря нарядили елку, пригласили знакомых девушек, накрыли стол. Оставалось дожидаться боя новогодних курантов, зажечь бенгальские огни и, когда стрелки часов сойдутся на цифре 12, поднять бокалы. Каждый ждал торжественного момента с нетерпением. И

вот время «ч» наступило. Раздались хлопки, запенилось в бокалах шампанское, все вокруг заискрилось разноцветными огнями.

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

По-моему, на нашем курсе не было человека, который бы не нуждался в деньгах. Даже сверхсрочник Гена Острейко, у которого денежное содержание в несколько раз превышало нашу стипендию, и тот нередко перехватывал у однокурсников десятку, другую.

– Не учел городских соблазнов, – оправдывался он. – А тут еще с такой девушкой познакомился. Всем бы такую...

Но мы тоже, как говорится, не лыком шиты. Многих в городе ждали культурные мероприятия, подруги. Но идти на свидание с пустым кошельком было ниже своего достоинства. Так что в воскресные дни, взяв увольнение в город, активно искали разовую работу.

В нашей курсантской компании сложилась устойчивая рабочая бригада. Мы брались за любое дело. Перебирали на овощных базах капусту, складировали ящики с фруктами, копали бурты под картошку, один раз даже в рыбном магазине

из бассейна ловили живых карпов. К сожалению, платили мало. Другое дело разгрузка из вагонов сыпучих удобрений. Здесь можно за день заработать рублей 18. Но эта была грязная и тяжелая работа, не каждому под силу.

...Наряд на разгрузку двух вагонов фосфорной муки мы получили без проволочек. Но пока добрались, до товарной станции, был уже полдень. Нам надо было сильно постараться, чтобы успеть завершить работу засветло. Выгрузить на площадку 120 тонн сыпучего и пыльного вещества – дело не простое. Физической закалкой и терпением здесь не обойтись, нужен еще и характер.

Кладовщик принесла огромные совковые лопаты, почему-то на местном диалекте именуемые шуфлями, проинструктировала. Мы поняли: незавершенная работа не засчитывается.

– Давайте один вагон возьмем? – предложил Костя Песоцкий, – можем не успеть на вечернюю электричку.

– А ты работай без перекуров, – Коля Панюков первым переоделся и ловко забрался в вагон. За ним последовали я и Саша Голда. Второй пульман достался остальным ребятам.

Сначала мы выбрасывали удобрение через проем двери. Но это было не совсем удобно. Ме-

шали друг другу, случалось, удобрение сыпалось под колеса. Пыль стояла такая, что невозможно было дышать. Пришлось обмотать лица нательными рубашками. Через час произвели перегруппировку. Дело пошло быстрее, да и пылить стали меньше.

Сделали первый перекур. Я сходил к соседям. Они очистили от удобрения только проход вагона. Яковлев с Песоцким сидели на теплой куче фосфорной муки и ныли, что им и за сутки не справиться с вагоном. Петька Венгрис был оптимистичнее, но заметил, что и он не уверен в своих силах, заболела поясница.

Посоветовавшись, на подмогу откомандировали Колю Панюкова. В полночь он вернулся к нам обратно.

– Работа остановилась, – сказал он.

– Почему?

– Костя Песоцкий сбежал. Сказал, что пошел по нужде, но обманул. По-моему, уехал во Львов на последней электричке. Яковлев после перекура не поднимается. Заснул мертвецки. Венгрис – только изображает работника. Пришлось отправить на станцию, чтобы узнал, когда утром будет первая электричка в город.

– Сколько осталось удобрения выгрузить?

- Почти половину.
- А мы уже заканчиваем.
- Вижу.
- Что будем делать с вагоном соседей?
- Не бросать же, – я посмотрел на Сашку Голду.
- Согласен. Но делиться деньгами не будем.

На том и порешили. Работать пришлось с утроенной энергией, хотя силы были на исходе. Нас шатало, когда с лопатой наперевес устремлялись к дверному проему, когда на минуту останавливались, чтобы перевести дух. Нередко и моя полновесная шуфля вместо вентиляционного окошка глухо стучалась о стенку вагона. Тогда всех нас окатывал мощный фонтан летучего вещества, именуемого фосфорной мукой.

– Скоро каждый из нас засветится от этого удобрения, – вымученно пошутил Коля Панюков.

– Конечно, если во время не появимся на занятиях, – давайте поднажмем. Финиш приближается, – вторил ему Голда

Под утро ушли на станцию Яковлев с Венгрисом. Ребята поняли, что своим бездействием только раздражают нас.

Сереть стало ночное небо. Посвежело. Я посмотрел на часы. Было четыре утра. До первой электрички оставалось совсем немного времени.

– Успеем?

– Должны! – заявил Панюков. – У меня открылось второе дыхание.

– У меня тоже, – сказал я в тон товарищу, хотя с трудом держал в руках лопату.

Через полчаса мы уже сдавали работу дежурной по станции. А еще через два дня честно разделили на троих полученные за разгрузку деньги.

ЗА КОРДОМ, ЗА КОРДОМ!

Чувство коллективизма в каждом из нас жило еще несколько лет после окончания училища. Мы старались встречаться во время отпусков, ездили друг к другу в гости, охотно делились успехами по службе. Но шли годы, менялись мы, менялись наши жизненные ориентиры, уходила в прошлое общность взглядов. Встречи с друзьями стали деловыми, короткими и необязательными.

Помню, лет через десять со дня выпуска, мне предстояла командировка в Москву. С волнением ждал встречи с друзьями. Многие из них прочно обосновались в столице. Для каждого заготовил приветствие, теплые слова, мысленно планировал предстоящий досуг. Ну, как в курсантские годы...

К сожалению, это не сбылось. Первые же

минуты встречи с однокурсниками в редакции «Красной Звезды» вернули в реальность бытия. Поговорив со мной минут пятнадцать, ребята заторопились по своим делам, пообещав встретиться после работы. Обещание сдержали только двое. Дела.

В тот вечер мы пили вино, вспоминали курсантские годы, рассказывали о семьях, себе, планах на будущее. Все было вроде бы хорошо, но как-то обыденно и вяло. Однако я не переживал. Главное – в суждениях друзей чувствовался оптимизм, вера себя, в то дело, которому они себя посвятили. Это радовало.

Долгое время не удавалось встретиться с Костей Песоцким, с которым на всем протяжении учебы нас связывала тесная дружба. Рано уволившись со службы, он с семьей осел в Киеве, работал в одной из молодежных газет Украины. Мы коротенько обменивались с ним поздравительными открытками, иногда звонили друг другу – и все. Но вот в конце восьмидесятых годов у меня появилась возможность побывать в Киеве. В первый же день позвонил товарищу. Костя вроде бы обрадовался звонку, но встретиться не спешил, ссылаясь на занятость. Да и к себе в гости не звал.

Через день я позвонил ему снова. Трубку взя-

ла жена. Ее знал еще с курсантских времен. Поэтому без обиняков спросил, почему Костя под разными предлогами уклоняется от встречи?

– Да денег у нас нет, чтобы, как полагается, встретить гостя, – сказала Дана. – Костя уже несколько месяцев не работает.

– Почему? Ведь у него была такая хорошая работа.

– Была. Но теперь нет, – вздохнула она. Сейчас он перебивается случайными заработками. Из-за этого у нас постоянные размолвки.

Помолчав, минуту сказала:

– Не узнаешь сейчас Константина. Другим совсем стал.

– Неужели сильно изменился?

– Изменился не то слово... В квадрате переродился. По телефону всего не расскажешь.

С Костей Песоцким мы все-таки встретились. В последний день. Он появился у меня в номере гостиницы. Взъерошенный, возбужденный. С бутылкой водки.

После приветствий первым делом спросил:

– Водку пьешь?

– Пью.

– Давай тогда стаканы.

– Подожди. Я сбегаю в буфет за закуской.

– Валяй. А то ничего не захватил с собой.

Как положено, выпили за встречу, курсантские годы. Но разговор не клеился. Я задавал вопросы, он односложно на них отвечал, ни о чем меня не спрашивая.

– Давай выпьем за лучшие времена, – предложил я.

– В нашей стране лучших времен быть не может, – вспыхнул Песоцкий. – За кордон надо подаваться, за кордон.

– Куда? – не понял я.

– В Америку. Можно и в Канаду... Я вот несколько лет назад по турпутевке в Финляндии был. Вот жизнь там! Одни только супермаркеты могут свести с ума. А их гостиницы, аквапарки, спортивные дворцы – сказка!

Слушая Костю, невольно вспомнил Толю Ладина – коммунистическую совесть нашего курса. Он бы уж точно не смог спокойно выслушать товарища. Я – другое дело. Терпимо отношусь к проявлениям людской слабости. Поэтому внимал речь однокурсника спокойно. По его словам выходило, что у нас в стране все плохо и омерзительно. Когда же он стал охаивать социальные гарантии советских людей, я не выдержал, возразил:

– Костя, Советская власть, например, для на-

шей большой семьи дала возможность всем получить среднее и высшее образование, состояться, как личности. У всех хорошая работа, достаток. Да и тебя страна не обидела. Получил прекрасное образование, квартиру, работу. Чем недоволен?

– Свободы нет.

– Какой свободы?

– Свободы слова, например.

– Но мы ведь сейчас говорим обо всем. И никто нам ничего не запрещает.

– Я хочу критиковать правительство в средствах массовой информации, с трибуны.

– Критикуй.

– Могут посадить в психушку.

– Таких говорунов во всех странах сажают.

– Не во всех.

– Пусть не во всех. Но если человек не работает, а только критикует все и вся, ни у кого уважения не вызывает. Что касается нашей страны, да, есть вопросы, однако у нас нет голодных и безработных. Даже бомжи гордые. Не каждый сбегает за пивом. Это, считаю, великим достижением.

Мы выпили еще бутылку водки, но о политике больше не говорили. Разговор свелся к женщинам. Здесь мы были едины во мнении. В СССР женщины самые красивые и самые умные.

Улетал в Хабаровск с тяжелым чувством. Костя не позвонил, не попрощался. С тех пор ничего о нем не слышал, хотя регулярно в дни праздников посылал поздравительные открытки. Не было никакой информации о Песоцком и у однокурсников. Видимо, все-таки подался на чужбину. А то все равно бы дал кому-нибудь весточку.

С тех пор прошло много лет. Наступили другие времена. Я по-прежнему считаю, что в полемике с товарищем был прав.

НЕТЛЕННАЯ СТАТЬЯ

Заместителя начальника тыла военного округа Андрея Сорокина захлестнула волна творчества. Не менее трех раз в месяц приносил он мне очередную корреспонденцию.

– Даю нетленку, – говорил он. Статья важная. Главное – ко времени.

Писал полковник, как и должно, на темы ведения тылового хозяйства на границе, о закладке на хранение овощей, о правилах сбора съедобных дикоросов, о нормах офицерского вещевого довольствия и т. д. Чем отличались его статьи? Обилием цитат из работ Владимира Ильича Ленина. В очередной раз полковник затащил в свой кабинет.

– Только что новый материал написал, – сказал он. Об экономии ГСМ. Тема наиважнейшая. Обязательно опубликуйте.

– Хорошо, – сдержанно ответил я.

...Материал Сорокина, как всегда, был скучным, но правильным. Даже про чистку и смазку стрелкового оружия ничего не упустил. Все свои выводы, по обыкновению, подкрепил ленинскими цитатами.

«Архиважно революционные броневики и летательные аппараты, – прочитал я, – заправлять соответствующими видами и марками ГСМ с соблюдением строжайших мер экономии. Ни одного выплеска на землю. Расточительность – враг, а врагов надобно расстреливать».

Тут раздался в кабинете звонок. На проводе был полковник Сорокин.

– Ну, как статья? – поинтересовался он.

– На одном дыхании, – без угрызения совести подсластил я.

– Это еще не все, – возбужденно произнес автор. – Зайди. Я тут кое-что заострил. Еще одной цитатой.

Кабинет заместителя начальника тыла был этажом выше. Зашел. С красным от волнения лицом

Андрей Иванович радостно протянул мне страничку.

– Вот. Или в конец, или в самое начало статьи можно поставить. Я взглянул на текст. **«Бензин, керосин, автол, мазут, солярка и другие горюче–смазочные материалы – все на потребность революции. Сбережем это, ставшее народным достояние, – сбережем рабочее – крестьянскую власть».** В.И. Ленин.

– И как при всей своей занятости Владимир Ильич сумел до всего дойти? – искренне произнес я.

– Кто? – удивился полковник.

– Ленин.

– Да нет же! Это я за него пишу и кавычу. Меня ударил озноб.

– Как?

– А так. Пишу и думаю: а что бы сказал по этой теме Владимир Ильич. Вот и осеняет.

– Ну, а если цензоры докопаются?

– Ничего подобного. Сейчас ничего кроме детективов и про секс не читают. Ленина – тем более. Перестройка.

Три месяца после этого разговора я жил, как на вулкане. Ночью машина тормозами закрипит – прислушивался. Не за мною ли? Потом страх притупился. Взамен пришло убеждение: нет, не читают у нас Ленина.

РОЖДЕНИЕ ЭПИТЕТА

Что ни преподаватель военной дисциплины в ЛВВПУ, то – личность. У каждого интересная военная биография, богатый опыт службы. Почти все командовали во время Великой Отечественной войны взводами, даже батальонами. Им всегда было, что рассказать курсантам, поделиться жизненным опытом. Но все грешили одной слабостью – приписывали себе те героические поступки, которых не совершали, придумывали такие фронтовые эпизоды, которых не было. Выходило: на передовой наши преподаватели-фронтовики всегда были впереди и на белом коне. Мы, порой, заслушивались их рассказами. Костя Песоцкий по мотивам этих повествований даже новеллу пытался написать. Слава Богу, не получилась. А то немцы ни за что бы не узнали себя – глупых, трусливых, некультурных.

Курсанты – народ дотошный, наблюдательный. Ни одна деталь в поведении, разговоре фронтовика не оставалась без внимания. Отсюда каждый нами был надолго награжден меткими и хлесткими эпитетами.

Полковник Алексей Иванович Козин, преподаватель инженерной подготовки, весь и без остатка был влюблен в свой предмет. Где бы ни был, о чем бы не говорил, всегда сводил разговор о значении окопов в победе над врагом.

– Окоп, – подчеркивал он торжественно на каждом занятии, – был и остается наиважнейшим инженерным сооружением в оборонительном бою. Он всегда сохранит жизнь солдата. Его надо отрывать глубже и в полный профиль.

Приводил интересные примеры из жизни, истории. Именно поэтому к нему намертво приклеилось прозвище «Окоп». Он знал об этом, не обижался.

Преподавателя артиллерийской подготовки подполковника Виктора Константиновича Ковалева мы называли «Партизаном». Его излюбленная тема – партизанский отряд, которым, по его словам, он командовал в немецком тылу. Ветеран писал даже книгу. Но труд так и не был опубликован. Оказалось, что его партизанский отряд в списках командования не значился. Сколько не ходил «Партизан» по инстанциям, так ничего не добился.

Но запомнился Василий Иванович не своими рассказами о партизанских рейдах в тылу врага, а народными афоризмами. Они у него имелись

на все случаи жизни. Помню, на семинаре я назвал не совсем точные тактико-технические данные ракеты «земля – земля». Зону поражения уменьшил. Всего на полметра. Ковалев поправил.

– Разве можно брать в расчет такую ничтожную ошибку этого грозного оружия? – возразил я.

Как истинный командир старой закалки, Ковалев ни в какой форме не терпел возражений подчиненных.

– Как не брать? – побагровел он.

– Не брать и все!

– Ты пренебрегаешь полуметрами?

– Больше или меньше на полметра поразит противника, ракета роли не играет.

– Войну проиграешь! – загремел подполковник. – Баба в постели за каждый миллиметр хрена борется, а ты метрами бросаешься...!

Аудитория замерла. Шутит «Партизан» или не шутит?

Ковалев не шутил. Он говорил о происках врагов, недопустимости подобного рода таких высказываний, что именно из-за таких просчетов во время войны неоправданно гибли сотни советских бойцов.

Мне было не по себе. Я чувствовал себя

виновником в гибели солдат во время Великой Отечественной войны, врагом всей советской артиллерии, даже пособником супостата.

– Садись, «неуд», – я и аудитория облегченно вздохнули.

Образностью отличалась речь полковника Дмитрия Петровича Янова. Он читал курс общевойсковой тактики. Рассказывая об организации боя противника, всегда хвалил командиров Советской Армии. О немцах отзывался так: «На занятой противником высоте пулеметов, как насранно. Никакого военного искусства».

Мы посмеивались над его сравнениями, даже записывали в блокнот «крылатые» фразы.

Был у нас и танкист. Полковник Дмитрий Петрович Еремин. Он преподавал танковую подготовку. Как и «Окоп», до фанатизма любил свой предмет. Мог часами говорить об этом грозном оружии, нередко наделяя его человеческими качествами. Мы подшучивали над ним, задавали каверзные вопросы. Дмитрий Петрович давал на все обстоятельные ответы.

– Как-то ради прикола я стал задавать Еремину один и тот же вопрос:

– Почему танки плавают, трактора – нет?

Он каждый раз терпеливо отвечал на него.

Наконец, как-то не выдержал и сказал:

– Товарищ курсант, мне, конечно, приятно, что танки глубоко заинтересовали тебя – целый месяц спрашиваешь одно и то же. Однако почему мои ответы не удовлетворяют тебя?

Я промолчал. Но вот на очередном занятии снова задал этот каверзный вопрос. Преподаватель ничего не ответил, стал переключивать в папке свои бумаги. Наконец, в его руках оказалась газетная вырезка.

– Товарищ курсант, ты не прав. Он бережно положил на мой стол статью. В глаза бросился заголовок «И трактора плавают».

УТРЕННИЕ ПРОБЕЖКИ

Утренняя физзарядка – атрибут неотъемлемый в училищном распорядке дня. Толя Кричевцов, наш старшина курса, в 7 утра резкой фистулой командовал: «Строиться всем возле общежития!».

Через несколько минут хилую группу курсантов вводил на стадион. Почему хилую? Да потому, что треть из нас под разными предлогами старалась увильнуть от этого, в общем-то полезного мероприятия. Под видом уборщиков, дневальных, больных. Обычно это случалось зимой, когда на

львовских улицах по утрам темно, холодно и сыро.

Выдвинувшись к спортивным снарядам, частенько на беговой дорожке встречали Петю Яковлева. К нашему здесь появлению, он успевал уже проделать, несколько кругов и был, что называется, в испарине. Именно этот факт начальник факультета нередко подчеркивал перед нами.

– Одному курсанту Яковлеву не надо напоминать о необходимости каждое утро выходить на зарядку, – говорил он назидательно. – Человек четко понимает: занятие спортом – залог долголетия и бодрости на целый день.

Потом добавлял:

– Вы только плететесь на стадион, а он уже давно там. Брали бы с него пример. Факт отрадный!

Лестные отзывы о себе Петя Яковлев принимал со смирением, опустив глаза. А мы хихикали: потому что хорошо знали историю этих утренних пробежек.

Несколько месяцев назад у Яковлева случился роман с одной из львовянок, девушкой породистой, статной и властной. Многие из нас были знакомы с ней. Не раз видели в компании товарища. Чувствовалось, Петя ее боготворил. Вскоре

мы заметили, что после отбоя товарищ нередко стал исчезать до утра. Свои действия не афишировал, хотя о них знали все. Естественно, кроме начфака.

Но как перед подъемом личного состава появиться в общежитии незамеченным от сторонних глаз младшекурсников, которые жили вместе с нами? Здесь требовался нестандартный подход. Яковлев нашел его. Зная о том, что в 7.00 наш курс выходит в район стадиона на зарядку, появлялся там, на десять–пятнадцать минут раньше. Прятал цивильное платье в близлежащих кустах и, оставшись в спортивном костюме, начинал утреннюю разминку. В общежитие возвращался вместе со всеми. Немножко усталый, но счастливый. Не каждому удастся совместить приятное с полезным.

Вскоре он женился, и необходимость в физкультуре у него отпала. «Женатикам» в училище разрешалось жить дома.

БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ

Вопрос, где провести субботу и воскресенье в эти майские праздники был решен однозначно. Только в Карпатах. Сказано – сделано. Тут же был составлен список. Петька Венгрис, признанный на

курсе кулинар и организатор многих наших тусовок, через пятнадцать минут огласил калькуляцию застолий, цену билетов на поезд, место сбора и форму одежды.

Отдых на природе без женщин – деньги не только на ветер, но и пустое времяпрепровождение. Это мы усвоили прочно. И давно. Поэтому первым делом обзвонили знакомых девчонок. Многие тут же согласились провести с нами праздничные дни на природе. А подруга Кости Песоцкого попросила разрешение захватить с собой соседку. Мы были не против. Кашу маслом не испортишь. К обеду следующего дня наша компания была уже у предгорий Карпат. После полуторачасового перехода, остановились у небольшого ручья. С одной стороны подступал молодой ельник, с другой – отвесная скала с небольшим гротом. Именно это естественное сооружение, случись что, могло укрыть нас от дождя и сильного ветра.

Разбили палатку. Сложили в нее наши походные пожитки. Через полчаса на поляне уже горел костер, из «Спидолы» лилась легкая музыка, на импровизированном столе появилась нехитрая снедь.

– Время ленча, – объявил Петька Венгрис. Приглашаю всех!

Уговаривать никого не пришлось. Проголодались. Поэтому дружно навалились на еду.

– В 20.00 вас опять ждет скатерть-самобранка. Но уже с небольшим количеством «Биле Мицне.». Это для творчества души. – Наш кулинар многозначительно поднял указательный палец вверх.

– Ура!

– Для творчества души я согласен на двойную порцию, – сказал Костя Песоцкий. Строчки рифмуются лучше.

– Тебе бы только строчки рифмовать, – съязвил Николай Синицын. Лучше подруг своих займи. С двоими справиться непросто.

– Матвей поможет, без пары сегодня...

– Посмотрим. – Сидящая напротив блондинка мне заулыбалась.

После обеда ребята разошлись по своим делам, девчонки стали помогать Петьке Венгريسсу, готовить ужин. Не переставая, играла музыка, дымил костерок, воздух был напоен ароматами весенних цветов и травы. У всех было приподнятое настроение. К вечеру возвышенность мыслей и чувств в голос заговорила в каждом из нас. Мы с удовольствием пили вино, произносили, как нам казалось, замечательные тосты, читали стихи, спо-

рили. Романтическая аура окружала поляну.

Я, что называется, был, на коне в глазах дам, прочитав тургеневское «Как хороши, как свежи были розы». Барышни, хотя и не высказывали, открыто особого восхищения, не кричали «Браво!», однако многие потом просили переписать слова классика в блокнот.

В конце концов, устав от бесконечных разговоров и выпитого вина мы в полночь разбрелись по поляне, кто куда хотел. Я отошел от костра с девушкой, которая попросилась к нам в компанию вместе с подругой Кости Песоцкого. Она казалась мне умной, чуткой. У нее были большие темные глаза, которые смотрели ласково, в разговоре звучала простая, понятная речь. Я изо всех сил старался понравиться, мой рот не закрывался от рифмованных строчек.

Глубоко вдыхая ночной воздух, девушка говорила:

– Как хорошо вокруг, голова кружится, – и тут же поправлялась:

– Не подумайте, что из-за выпитого вина. Природа! Давно не была на природе.

Потом она предложила посидеть возле развесистого куста. Стрекотали кузнечики, невдалеке слышались гитарные переборы. Я продолжал

горячо рассказывать о модных в то время поэтах – Веронике Тушновой, Эдуарда Асадове. Стелла, так звали девушку, участливо смотрела на меня. Затем приглушенно вскрикнув, она неожиданно опрокинулась навзничь. Это был первый обморок женщины в моем присутствии. На секунду растерялся.

– Что делать? Что делать? – пульсировало в мозгу, – может, позвать на помощь ребят?

Но тут вспомнил, что делают в таких случаях благовоспитанные герои из прочитанных мной романов. Быстро приподняв голову девушки, расстегнул кофточку. Когда увидел обнаженные ее груди, (она была без лифчика) до огненного удара в голову, захотелось поцеловать их. Но, сломив это желание, стремглав бросился к ручью. Ибо герои всегда, в подобных случаях, убегали за водой.

Когда я вернулся, Стелла, как ни в чем, ни бывало, стояла у куста, исправляя все разрушения туалета, совершенные мною. Родниковая вода была ей не нужна.

– Вот водичка...

Девушка с ухмылкой посмотрела на меня и размеренными шажками пошла к костру, Там несколько моих боевых друзей под гитару исполняли песни.

– Я сделал что-то не так? – спросил я, догнав ее.

Она кратко ответила:

– Нет! – Потом добавила:

– Вы не ловкий какой-то... Но все равно вам спасибо за вечер.

Мне показалось, что благодарит она не совсем искренне.

Прошли весна, лето. Стеллу я нередко встречал на различных училищных тусовках, но разговора как-то не получалось. И вот однажды при встрече после дежурных «Как живешь? Что нового в жизни?» она неожиданно сказала:

– Вот если бы тогда, в Карпатах, помнишь, ты был смелее, ну, поцеловал бы меня, настоящая любовь могла быть у нас. Ведь я понравилась тебе. А ты, чудак, помчался за водой.

ЭКСКЛЮЗИВ

Толик Гара был среди нас единственным суворовцем, которому армейские шутки были в диковинку. Многое он принимал на веру, старался прислушиваться советам старших.

Я как-то обратил внимание на то, что кончик носа у него нередко принимал красный оттенок.

Наверное, в силу физиологических особенностей. В разговоре с Анатолием я подчеркнул этот факт. Потом еще несколько раз напомнил ему об этом. Через неделю на нос товарища стали обращать другие ребята. Вскоре его эксклюзив стал предметом анекдотов и занимательных историй. Толя не обижался, знал: ребята развлекаются.

Правду говорят: если человеку постоянно напоминать о его недостатках, он рано или поздно, постарается от них избавиться. И в самом деле. Мы стали замечать, что наш суворовец в рабочие дни после занятий отпрашивается в город. Вскоре узнали: Гара посещает косметический кабинет. Зачем? Ответ был прост: чтобы устранить красноту на кончике носа. Для этого он два раза в неделю ходил к косметологу. Когда обратили внимание на то, что кончик носа у него побледнел, исчезла краснота, приколы прекратились. Мы искренне радовались за товарища. Некоторые из нас даже стали расспрашивать, какие возможности у известного косметического кабинета.

Прошел месяц. Однажды после утренней зарядки мы увидели, что нос у Толика в своей прежней красе. В чем дело? Неужели усилия врачей – косметологов были напрасными? Как могли, мы успокаивали Анатолия.

– Должна быть гарантия лечения, – без обиняков сказал Толя Ладин. – Обязаны взять тебя бесплатно на второй курс лечения.

– Конечно, должны, – поддержал его Григорий Соколовский. – Это все равно, что тебе подсунули недоброкачественный продукт.

– Давай, завтра же иди к косметологу, – пусть деньги возвращает или лечит по-новому, – напутствовал щекастый Гена Острейко.

Сказано – сделано. Для пущей важности Гриша Соколовский даже вызвался в напарники. Но каков будет результат визита к врачу, никто сказать не мог. Поэтому мы с нетерпением стали ждать развязки этой истории. Как выкрутится из этой щекотливой истории косметолог, который гарантировал пациенту положительный результат лечения? Как поведет себя наш товарищ? Вечером все собрались в комнате Соколовского.

– Ну, что? – обратились мы к Анатолию. Гара стоял грустный, молчал.

– Нормально, – заулыбался Соколовский.

– Деньги вернули?

– Нет. Зато получили протрясающую консультацию, – сказал Гриша.

Ничего конкретного тогда мы не узнали. Однако были уверены: кинули на деньги нашего то-

варища. Выразив свое возмущение, мы разошлись по своим комнатам. Эта история вскоре забылась. Появились новые пристрастия.

Спустя несколько лет, я встретился на Дальнем Востоке с героем красного носа. Вспомнили друзей, курсантские года, распили бутылку коньяку.

– А кончик носа у тебя так и не побледнел,
– пошутил я

– Это точно.

– А что за потрясающую консультацию получили вы тогда с Гришкой Соколовским от косметолога?– вспомнил я прошлую историю.

– Ничего особенного. Врач спросил, пью ли я спиртное? Ответил, что – да. Так вот, он посоветовал пить только водку. А если случиться – вино, то большими глотками.

– Почему?

– Объяснил просто: если пить вино маленькими глотками, оно будет больше попадать на небо. В результате – расширять носовые капиллярные сосуды. Увеличится приток крови к кончику носа.

– Вот это консультация! Правда, потрясающая!

– С тех пор пью спиртное только большими

глотками, – улыбнулся однокурсник.

– Почему тогда не рассказали нам с Гринеи об этом?

– Стыдно было. И потом: это откровение, без сомнения, стало бы на курсе очередной притчей во языцах...

ЛЕНИНА МАЛО...

Начальник кафедры военной журналистики капитан 1 ранга Василий Иванович Мосин слыл человеком добрейшей души. Ни на кого никогда не повышал голос, ни о ком не отзывался плохо, любому готов был помочь в трудную минуту. Воспитанный комсомолом и партией, он свято верил в коммунистические догмы, светлое будущее, убежденно пропагандировал эти утопические ценности среди нас.

Что представляли его лекции? Помимо всего прочего это был кладезь цитат классиков марксизма-ленинизма, высказываний руководителей КПСС, советского правительства. Ну, скажем, как можно увязать приказы военачальников петровской эпохи с ленинскими принципами советской печат-

ти? Василий Иванович увязывал. Он находил такие слова и мысли известных философов, революционеров, которые, казалось, полностью отвечали заданной теме. Этого требовал он и от нас.

...Тему курсовой работы по военной журналистике «Традиции советских Вооруженных Сил» я выбрал сам. Она близка мне была по духу. Почти три года отслужил солдатом в войсках, не понаслышке знал, что значат для подразделения, скажем, воинские ритуалы, чествования отличников воинской службы, проводы домой отслуживших положенный срок воинов. А тут еще прочитал недавно вышедшую в свет трилогию Константина Симонова «Живые и мертвые». Был под впечатлением многих эпизодов войны.

Время поджимало. Я добросовестно штудировал рекомендованную литературу, просмотрел многие каталоги, но четких ответов на поставленные вопросы не находил. Однако повезло. На очередную просьбу порекомендовать что –нибудь для написания курсовой о военных традициях, одна из училищных библиотечек сказала:

-В научном фонде на эту тему видела автореферат соискателя на ученую степень. Не помню автора. Сейчас поищу...

Через пару минут протянула небольшую брошюру. В.И.Мосин. «Традиции советских Вооруженных Сил в военной печати», - прочитал я. Ура! Это было то, что надо.

Переписывая отдельные страницы научной работы, со страхом думал, вдруг начальник обратит внимание на плагиат. Что сказать в оправдание? Свою диссертацию, небось, знает, как отче наш!

Тревога оказалась напрасной. Возвращая на доработку мой труд, капитан 1 ранга только и сказал: «Ленина мало, мало Ленина»!

-Какой вопрос! Будет больше!

Через несколько дней повторно сдал курсовую. Каждую вторую страницу работы украшала ленинская цитата. Замечаний не было.

МУРАВЬИНАЯ КУЧА

В конце каждого курса, во время экзаменационной сессии, нас, по обыкновению, на две недели вывозили «в поле». Мы готовились там к экзаменам по тактике, огневой и физической подготовке, отрабатывали нормативы по защите от оружия массового поражения. Учились добросовестно. К сожалению, в свободное от занятий

время многие не знали чем себя занять. Правда, в классе самоподготовки лежали шахматы, два раза в неделю приезжала кинопередвижка. Досуг нам был обеспечен. Так, во всяком случае, считал начальник курса майор Алексей Луничкин. Мы были иного мнения. Поэтому, разбившись на группы, занимали себя, чем хотели. Играли в карты, гоняли мяч по футбольному полю, травили анекдоты.

В нескольких километрах от учебного пункта находилось небольшое украинское село. Первыми туда «в разведку» сбегали Костя Песоцкий с Петей Венгрисом. Результатом похода стала бутылка бурячного самогона. Зараза, вкусного. Народная тропа, что называется, не заросла. После занятий, ближе к вечеру, туда стали наведываться по очереди другие ребята. Однако пьяных среди нас никто никогда не видел. Курс знал меру.

...Этот уникальный случай произошел в последний день нашего пребывания на учебном пункте. Валерка Гусев – наш факультетский здоровяк, попросил одолжить три рубля. Ему и Лешке Андрейцову уж очень захотелось отметить последний экзамен. Но денег не было. Из конфиденциальных источников они узнали о моей заначке. С настойчивостью следователей стали уговаривали ее отдать. Обещали, что через неделю возместят

убыток вдвойне. Я не хотел им одалживать деньги. Нужны были самому. Ребята не сдавались.

Неожиданно в голову пришла шальная мысль.

– Валерка, дам трояк, но за определенное представление.

– Согласен, – сразу согласился Гусев.

Знаешь муравьиную кучу, что у дороги?

– Конечно.

– Так вот. Если сядешь на нее голой задницей и просидишь десять минут – деньги твои.

Наш разговор тут же стал предметом споров. Одни утверждали, что в этом проблемы нет. Надо только не шевелиться на муравейнике. Мол, тогда насекомые будут вести себя спокойно, не покусают. Другие наоборот: всячески отговаривали от не обдуманного поступка. Но тем и другим было интересно, чем закончится, образно говоря, представление. Я вытащил из кармана гимнастерки вождеденные три рубля, показал окружающим.

– Готов отдать. Начинай, Валерка!

Гусев посмотрел на муравьиную кучу, обошел ее вокруг, как бы примеряясь к предстоящему рекорду, затем озабоченно сказал:

– Только б муравьи не полезли в глаза и уши.

– А ты их обирай, если устремятся в непо-
ложенное место. Садись!

– Садись, садись, – с хохотом стали выкри-
кивать сторонники шоу.

Валерка повернулся в пол-оборота, в долю
секунды ловким движением руки расстегнул брюч-
ный ремень, и его белая задница аккуратно косну-
лась муравьиной кучи.

На мгновение смех и шутки прекратились.
До последней секунды никто не верил, что Гусев
решится на поступок.

– Вот это, да! – только и могли вымолвить
ребята. – Человек слова!

Прошла минута, другая. Все молча наблю-
дали за происшедшим. Затем на перебой возбуж-
денно заговорили, засмеялись, засуетились. Один
только наш герой сфинксом замер на куче. Одна-
ко это нисколько не озадачило насекомых. Они с
завидным упорством облепляли его гимнастерку,
шею, лицо. Валерка кряхтел, сопел, осторожными
движениями рук смахивал их.

У Саши Голды в руках защелкал затвор фо-
тоаппарата.

– Ставь выдержку на 60, снимок будет кон-
трастнее – стали советовать мальчишки.

– Нет. Надо на 120. Лучше открой диафраг-

му на полную...

Александр делал снимок за снимком, меня каждый раз светосилу фотоаппарата.

– Все! – сказал он, – пленка закончилась. Снимок исторический получится.

Истекала последняя минута испытаний. К этому времени герой муравьиной кучи, похоже, освоился с нестандартной обстановкой, стал даже отвечать на реплики товарищей.

– Время истекло, – я показал ребятам часы.

Гусев поднялся. Но натягивать штаны не спешил. Сел в траву, зачищая одежду от насекомых.

– Держи! – я протянул ему деньги. – Заработал честно.

Ни на кого, не глядя, он взял смятую трешку, положил ее в карман гимнастерки. Через минуту, прихрамывая, пошагал к казарме. Следом семенил Леха Андрейцов.

– Вот гульнут теперь, – то ли с завистью, то ли с сожалением сказал им вслед Васька Сехин, любитель горячительного.

ПАРЕНЬ ИЗ УРАЛЬСКА

– Вы не представляете, что сейчас произошло в городе, – захлебывался от переполнявших эмоций Толя Ладин, однокурсник.

– Убили кого?

– Нет!

– Стал свидетелем изнасилования?

– Вы что?

– Тогда говори, что случилось?

– Видел живого бандеровца!

– Ну, уж прямо бандеровца?

– Конечно. Возле кинотеатра «Киев» в салон тролейбуса ввалился пьяный мужик. Не бритый. В телогрейке. Грязный. На голове облезший треух. Правая кисть руки с татуировкой трезубца. И поет, гад. Последние строчки припева каждый раз выкрикивал: «Смерть, смерть московским и жидовским Коммунам!»

– Ну и что?

– Как что? Так только они нашу советскую власть могут хаить.

– Как молодой коммунист, ты что сделал, чтобы прекратить эти безобразия?

– Потребовал замолчать.

– Замолчал?

– Нет.

– Но петь стал тише. Через остановку вообще вышел из троллейбуса.

– Надо было его задержать и сдать его в милицию.

– Не мог.

– Пассажиры не поддержали?

– Представьте, нет! Только одна из женщин сделала «певцу» замечание. Что за люди живут во Львове? Попробовал бы он у нас в Уральске такое спеть...

Вот такой он весь ефрейтор Ладин – идейный, бескомпромиссный, до последнего вздоха преданный делу Коммунистической партии.

Анатолия на курсе любили. Но любовью отеческой. Не потому, что был моложе. Просто, своими поступками он не вписывался в коллективный стереотип мышления, рамки поведения. В наших глазах он был, как бы школьником, который не познал еще азы окружающего мира. Нас, например, умиляло то обстоятельство, что, он всегда, как руководство к действию, воспринимал любой постулат советской пропаганды, решение правительства. Находил в них только гениальные мысли.

...Одним из вопросов очередного курсового партийного собрания была проблема с макулатурой. Наше училище, поддержав инициативу областного комитета комсомола, вместе с учебны-

ми заведениями города обязалось сдать местному бумажному комбинату несколько десятков тонн макулатуры. Мы не остались в стороне от этого дела. На училищный приемный пункт отнесли все старые конспекты, учебники, газеты. Однако до плана не дотягивали. Нужно было изыскать дополнительные резервы. Предложения ребят были разные. Одни предлагали закупить по дешевки в киосках «Союзпечати» устаревшие газеты и журналы и сдать их в зачет недоимки, другие – отработать несколько часов на бумажном комбинате в выходные дни. Среди курсантов разгорелся нешуточный спор. Но единому мнению мы тогда так и не пришли.

Оригинальным было выступление Толи Ладына. Он без обиняков предложил собирать в макулатурный мешок использованные в туалете бумажки. Сидящие в классе ребята переглянулись. Многие подумали, что Ладин шутит. Ничего подобного. Анатолий серьезно предлагал для выполнения плана использовать и эту возможность.

– Уж, очень запачканные бумажки можно не брать, – поправился он. – А то неудобно как-то получится...

Мы больше не могли спокойно слушать нашего товарища. Дружно все хохотали.

Содержание

■ Глава 1.

■ Фронтовые были.....4

ВОР.....	5
БАНКЕТ.....	8
ПЕРВАЯ НАГРАДА.....	9
ОБЕД НА ПЕРЕДОВУЮ.....	11
ЗАСПИРТОВАННЫЙ МЕРТВЕЦ.....	13
СКЛОНЕН К ПОБЕГУ.....	16
ЗАГРАДОТРЯД.....	20
ДЕНЬ ПОБЕДЫ.....	22
ОДНА ЛОЖКА НА ДВОИХ.....	25
БАНЯ.....	26
РУССКИЙ ФИНН.....	30
БЛОКАДНИЦА.....	33
«РУС ИВАН».....	36
СЫН ПОЛКА.....	39
ТРУЖЕНИК ТЫЛА.....	41
КАК ПРОВОЖАЛИ НА ФРОНТ.....	46
ШЕСТЬ ЧАСОВ ОККУПАЦИИ.....	48

Глава 2.

Солдатские байки.....52

ЧЕЛОВЕК - ЛЕГЕНДА.....	53
«МАША».....	54
ИВАН ЕПИФАНЫЧ.....	55
ЗАМПОЛИТ – МАЙОР ТУМАРОВ.....	57
«ЛОБ» ФЕДОРОВИЧ.....	59
«ДМИТРИЕВ НА ПРОВОДЕ».....	61
ХВАЛЮ ЗА ЧЕСТНОСТЬ.....	63
СОЛДАТСКАЯ ЛЕГЕНДА.....	65
ЕФРЕЙТОР ХАНИН.....	67
ВРАЧИ ТОЖЕ ЛЮДИ.....	71
«ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ».....	75
РОЗЫГРЫШ.....	79
НАРУШИТЕЛЬ ГРАНИЦЫ.....	80
ЧТОБЫ НЕПОВАДНО БЫЛО.....	82
БЕЛЬЕВЫЕ ВШИ.....	84
СТРАШНОЕ НАКАЗАНИЕ.....	86
СЛУЖУ РАДИСТОМ В АВИАЦИИ.....	88
ДЕМБЕЛЬСКАЯ ЭКСПРОПРИАЦИЯ.....	89
«БОЙ... В ЛЮБУЮ МИНУТУ».....	91
ДЕФИЦИТНЫЙ КАРБЮРАТОР.....	92
САМОВОЛКА.....	94
ПОСЛЕДНИЙ «АККОРД».....	96
ЛАПШИ НЕ ХВАТИЛО.....	97

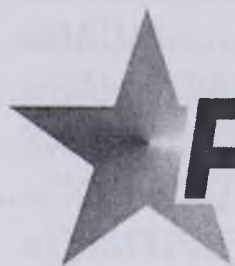
Глава 3.

Курсантские рассказы.....100

БЕНГАЛЬСКИЕ ОГНИ.....	101
ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ.....	102
ЗА КОРДОН, ЗА КОРДОН!.....	106
НЕТЛЕННАЯ СТАТЬЯ.....	111
РОЖДЕНИЕ ЭПИТЕТА.....	114
УТРЕННИЕ ПРОБЕЖКИ.....	118
БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ.....	120
ЭКСКЛЮЗИВ.....	125
ЛЕНИНА МАЛО... ..	129
МУРАВЬИНАЯ КУЧА.....	131
ПАРЕНЬ ИЗ УРАЛЬСКА.....	136

Карташов Борис Пантелимонович

**РАЗОРВАННАЯ
ПАМЯТЬ**

Рассказы

Редактор Ю. Симанович

Корректор А. Петрова

Компьютерная верстка Д. Трифонов

Подписано в печать 22.04.2010 г. Формат 60x84/16. Бумага ВХИ.
Гарнитура Таhoma. Печать офсетная. Усл. п.л. 8,25.
Тираж 150 экз. Заказ № 2046.

Отпечатано ОАО «Полиграфист»
с готового электронного оригинал-макета.
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра Тюменской области
628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46. Тел.: 33-49-91, 33-29-84.
E-mail: izdatel@xmprint.ru

96-00

395202011

Государственная библиотека Югры

